

Вячеслав Тірах

Кофейня

Annotation

Книга, которую трудно отнести к какому либо жанру. Одни влюбляются в нее. Другие критикуют и яростно ненавидят. Неповторимый стиль автора и громкая музыка, что доносится из каждой страницы этого тихого рассказа.

- [Кофейня](#)
 -
 -
-

Кофейня

Вячеслав Прах

*Скажите мне, чем должно пахнуть в кофейне?
– Наверное, чем угодно, но только не кофе...*

© Вячеслав Прах, 2015

*Редактор Анжела Ярошевская
Корректор Николай Лосев*

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

...Грусть. То место, в котором можно найти себя среди музыки. Искать то, чего нет, среди пустых стульев. Или обжигать пальцы от сигареты, пеплом размывая страницы, в которых автор нашел тебя.

– Позвольте...

– Да, присаживайтесь, – не отводя глаз от книги, ответила она.

Шекспир, «Сонеты о любви». Красивая обложка. Громкое имя и... разбитое сердце женщины, дополняющие друг друга. Так могло показаться на первый взгляд.

– «В тоске не гаснет жар мятежный, Горит за сенью гробовой, И к мертвой пламень безнадежный Святее, чем любовь к живой...»

– Удивительно. Так точно и с чувством... Шекспир.

Такого ответа он больше всего ожидал, но меньше всего хотел услышать.

– Нет. Это Байрон, – с каким-то волнением, но без всякого удивления произнес он.

Она склонила голову и, подкурив новую сигарету, продолжила увлеченно изучать страницы. Будто его и не было вовсе.

– Уходите.

– Вы кого-то ждете. Кого-то, кто с опозданием на два месяца и шестьдесят две кружки выпитого кофе так и не соизволил опоздать.

Она подняла голову и посмотрела на него так, будто он прочитал ее мысли. Загадочный взгляд, хоть и весьма предсказуемый.

– С чего вы это взяли? – в недоумении спросила она.

– Когда вы приходите и открываете книгу, вы кладете левую руку так,

чтобы хорошо было видно время. Если присмотреться, то можно заметить, что смотрите вы вовсе не в книгу, а на свои часы. Создаете иллюзию отдыха, в то же время ограждаете себя от таких, как я.

– Но как... Как вы могли за мной наблюдать, если сидели все время спиной ко мне?

– Здесь нет ничего странного. С вашего столика, если смотреть в окно, видна улица. С моего – ваш столик. И получилось, что мы оба смотрели в окно. Вы – на прохожих, а я – на вас.

– Кого ждете вы? – с явным интересом спросила она.

Глаза цвета кофе. Губы оттенка розы. И музыка... Такая же безвкусная, как и их латте.

– Не смотрите на меня так, – делая глоток кофе, отвела взгляд она.

Куда она смотрела? На прохожих. Нет, скорее, мимо них. На серые тротуары, или вошла в тон не менее серой суеты. Этот взгляд был ему знаком. Она во всем видела человека, но никак не могла его найти.

– Как мне на вас не смотреть? – устало спросил он.

– Так, будто все обо мне знаете, – ответила она, по-прежнему глядя в окно.

Была ли она замужем? Была. Он это увидел по ее рукам. Кольца на пальце не было, но его след она продолжала неосознанно гладить. Временный след... Это было видно по глазам, в ее походке и даже в том, как она держит сигарету. Это мужчине скрыть свой брак – как окуроч выбросить. У женщин с этим сложнее.

– Как я выгляжу? – после длительной паузы она перевела взгляд в его сторону. Затем посмотрела на часы и, не дожидаясь ответа, добавила: – Мне пора.

Его не смутил ее внезапный уход, как и то, что ответа на вопрос не прозвучало. Напротив, он даже и не думал на него отвечать, и не стал провожать ее взглядом. Спустя время немой беседы, его внимание привлек еще один постоялец этой кофейни. Вредный, толстый мужчина лет сорока пяти. Скажем так, манеры этого типа были куда дешевле его костюма. Как и всегда, он заказал кофе по-ирландски и попросил дать ему меню. Это уже было его привычкой: пить крепкий кофе с дешевым виски, а глядя в меню – недовольно бурчать. Но проблема была в другом.

«Когда тебе было холодно, я надевал на тебя свой свитер, и мне

становилось теплее. Когда тебе было больно, я сжимал зубы и шептал в гнев о себе. Я знал вкус твоих слез, бесконечно целуя мокрое лицо. А ты даже не знала, во сколько я завтра чужой. Я молился о тебе по средам, когда ты заводила будильник на восемь. А в четверг я тебя ненавидел. Без пятнадцати девять...»

Он закрыл книгу и положил ее возле себя. Встав с кровати, стал искать спрятанную пачку сигарет. Два года и четыре месяца он сжимал эту пачку в руках, не открывая ее. Два года борьбы с собой. Его манил этот дым. Глубокая тяга. Секундное облегчение. А с выдохом уходило все то, что наболело. Достав сигарету, он стоял минуты две, все крепче сжимая ее в зубах. После чего взял и смял ее в кулаке, рассыпая по полу. Этой ночью он уснул победителем, чтобы утром вновь объявить себе войну.

Холодный душ. Крепкий чай без сахара. В семь утра этот город просыпался и ненавидел все вокруг. Люди вставали с единственным желанием, с ним же свой день и заканчивали: как мне выспаться, и какая жизнь дерьмо. Он каждый день вставал в это время, выходил на балкон и смотрел на них, хмурых, полусонных. Людей без яркости. Размытых. Они спешили на работу, которую ненавидели чуть меньше своего босса. Зарабатывали деньги, чтобы тратить их на то, что им не по карману. И все время стремились к роскоши, не имея даже свободы.

Допивая свой чай, он заходил обратно в квартиру, оставляя за стеклом недовольные лица, во всем винившие жизнь. Переводил будильник на двенадцать и, натягивая на себя теплое одеяло, еще больше влюблялся в утро.

Когда Роза открыла дверь кофейни, на часах уже было четыре. Он, как обычно, сидел спиной к ней за соседним столиком и думал о чем-то своем. Не узнать ее шаги было сложно. Ему каждый день, на протяжении двух месяцев, приходилось их слышать. В этих шагах не было ничего особенного, но спутать их с другими он не мог. Подойдя к своему столику, она заметила книгу и закладку на какой-то из страниц. Он не видел ее, но каждой клеткой спины чувствовал, как она смотрит то на книгу, то на него. И в какой-то момент ему показалось, что она задержала на нем свой взгляд. Нет, не показалось. Он был в этом уверен.

Мысли тонули в чашке ее латте. Она водила ложкой по дну, будто размешивала вкус горьких букв. Шелест страниц. Глубокие затяжки дыма. Ее тонкие пальцы обжигала сигарета, что так верно дотлевала в ее руке.

Она была увлечена.

Дождь стучал в окно и навевал прохладный порыв грусти. Воспоминаний. Нелепых улыбок длиною в секунды, затем глухих ударов в груди, от которых порой можно было задохнуться. В такие минуты, наедине с дождем, ты готов верно ждать солнца. А с его приходом – и дальше тонуть в своих лужах. А может, дело не в погоде? Слабость времени – настоящее. Сегодня ты живешь вчера. А завтра снова... Незаметно. Быстротечно. И все проходит, кроме прошлого. Ему позволено быть вечным...

Он даже не заметил, как Роза подошла и встала у него за спиной. Не удивительно: он был слишком погружен в свою бездну. Так бывает, когда твой корабль разбился, а ты, глядя в сторону берега, решаешь для себя тонуть. И не важно, что до суши рукой подать. Тебе не страшно: идешь на дно вместе с обломками. Но разве считаешь, что топишь себя сам? Конечно, нет. Во всем виноват шторм.

«...Когда она решила уйти, я собирал ее вещи и думал, какого цвета рубашку мне надеть на работу. Странно, но за завтраком я не почувствовал ничего, абсолютно. Возможно, я плотно поел. А может, просто был уверен, что к вечеру она вернется. За обедом я пролил на себя кофе, оставив большое пятно на своей любимой рубашке. Но это меня не огорчило: напротив, я знал, что когда вернусь домой, она мне его застирает... Когда я открыл дверь, в квартире было темно, а на холодильнике не было ее ключей. Не было запаха ужина, и кружка недопитого чая так и стояла на своем месте. Еще никогда квартира не была такой пустой. И впервые я задержался на пороге...

Третью ночь я не мог нормально уснуть. Кровать казалась слишком большой и неудобной. Под утро я просыпался от прилива крови и хотел поцелуями разбудить ее, чтобы в очередной раз не выспаться, выдыхая ее вдохи... Я отчаянно водил рукой, пытаюсь нащупать ее плечи. Руки и теплые пальцы. Пустота. И ее подушка была как никогда холодной.

Через неделю я вспомнил о существовании Бога, до которого мне никогда не было дела. Чувствовать дыхание за спиной и каждый день спешить с работы домой – это было так бедно раньше и не имело цены сейчас. В эту минуту. До невыносимости одиночества, страха...

Пятно на рубашке, да и гордость величиной с квартиру принимала размеры пятна. Звонок в дверь. А за дверью она: от банальных фраз и до кофейных глаз – она.

Когда она вернулась, я больше не позволял ей уходить.

Никогда...»

Дочитав последние строки тридцатой страницы, она закрыла книгу и посмотрела в окно. Снаружи шел дождь, небольшой и тихий. Но даже он представить себе не мог, под каким ливнем стояла она...

– Слишком много вопросов, когда не о чем спросить, – нарушил молчание он.

Роза его не слышала, только прикрывала ладонью рот, чтобы он не услышал, как трудно ей стало дышать.

– Присядьте, – попросил он ее, отодвинув свободный стул.

Выложив пачку своих сигарет, она крепко сжала книгу и пустым взглядом проводила собеседника.

– Меня зовут Лау...

– Вас зовут Роза, – оборвал ее он, отводя глаза в сторону окна.

Проигнорировав его слова, она достала из пачки мужских крепких «Lucky Strike» сигарету и начала искать по карманам свою зажигалку. Не найдя ее там, она принялась обыскивать свое пальто. Но и в нем оказалось пусто.

– Вы курите? – спросила она у него в надежде на очередную порцию дыма.

Он улыбнулся и, достав из кармана пачку своих сигарет, посмотрел на нее и положил обратно в карман.

– Нет, Роза, я не курю, – спокойно ответил он.

Взгляд. Этот взгляд. Она посмотрела на него, как на сумасшедшего, и вскоре, надевая пальто, встала из-за столика. Но не успела она сделать и шага, как он крепко взял ее за руку и тихо попросил: «Оставь книгу».

Она смотрела ему в глаза, как июль бы смотрел на январь. Холодный, стеклянный взгляд. Но и он отводить глаз не думал: всматриваясь, он увидел нечто большее, чем просто лед. Он был уверен: еще от силы секунд семь – и этот лед начнет таять...

– Я оставлю ее себе, – спокойно и твердо, как показалось ей, сказала она.

Роза присела и, взяв в губы сигарету, открыла страницу, на которой закончила свое путешествие. Он, достав из внутреннего кармана своего пиджака зажигалку, наклонился к ней, чтобы подкурить, но она решила отказаться, отведя голову в сторону. Положив на стол зажигалку, он следил за ее пальцами. Зачем? Знаете... я бы и сам у него спросил.

«Я не любил шумных компаний, да и сейчас, в общем-то, не люблю.

Пустые разговоры. Смех непонятно от чего: то ли анекдот оказался удачным, то ли неудачник решил спрятать себя за смехом. Ох, какая удача... Фальшь. Люди прячут себя за таким жирным куском лжи, оставляя правду себе на диету. Они давятся сплетнями и прячутся за спинами, а когда дело касается их, только тогда они начинают убавлять громкость.

Ты меня понимаешь и понимала каждую секунду, когда я не понимал себя сам. Вспомни тот вечер, когда ты решила познакомить меня со своими друзьями. Вспомнила? Я держал руки за спиной не потому, что хотел произвести впечатление солидного мужчины с ровной осанкой и гордо поднятой головой. Нет, не потому. Я просто не хотел быть к ним ближе. Пожать руку. Пустяк? О, нет, дорогая, это расстояние. В котором я предпочел быть самым отдаленным.

Я смотрел им в глаза и видел их насквозь. Думаешь, я их слушал? Нет, я вслушивался в их слова. Наблюдал за движениями и самое главное – за тем, как они относились к тебе. Как пытались произвести на меня впечатление и вызвать некое уважение. Я просто наблюдал. А когда той картины, что я срисовал с них, мне хватило – я просто встал и молча ушел. Не попрощавшись. Да я, собственно, и не здоровался с ними. А вот тебя я тогда покинул. В тот вечер, седьмого июля, в наглаженных черных брюках и мятой серой рубашке, я...»

– Пьеро, – перебив ее увлеченные глаза и сердце, произнес собеседник.

Она не сумела сразу выйти из мира, в который так глубоко погрузилась сейчас, и потому сказанное им встревожило ее и показалось совсем неясным.

– Что, простите? – не поняв его, с удивлением спросила она.

Она находилась на своей волне, в своей душе и ясном сознании. И простите меня, автора, за такое выражение – она была не доведена до оргазма на самом пике страсти. Вот так ее увлекла эта книга, и так все испортил он, сидящий напротив мужчина.

– Автор этого произведения – Пьеро. Я перечитал эту книгу девять раз за два года и, как я вижу, не только я нашел себя в ней, – спокойно и слегка огорченно ответил он на ее вопрос.

– Я никогда не слышала о нем. Пьеро...

Возможно, она задала себе вопрос: а нужно ли было мне о нем слышать? Ведь главное, что строки этого писателя поразили ее до глубины души. По всему ее виду было понятно, что продолжать диалог со своим собеседником было неуместно, но она все-таки спросила:

– А где можно купить эту книгу?

– Нигде. Я обыскал много книжных лавок, когда она попала мне в руки. Нигде ее нет, и никто о ней не слышал, – тихо ответил он.

– Не понимаю. А как тогда она оказалась у вас? – спросила она, сопровождая слова любопытным взглядом.

Тишина. Он сделал вид, что не расслышал ее вопроса. На самом деле ответить ему было нечего, она бы всё равно не поверила, что он нашел ее в мусорном баке, среди вонючих помоев и презервативов, что выбрасывали в тот бак поутру. Среди разбитого стекла от бутылок и собачьего дерьма, в которое он тогда наступил...

Книги выбрасывают. А взамен покупают кучу фильмов и музыки, что считается популярной в данное время. Смотрят, слушают, а затем забывают, когда наступает новая волна моды. А книги они выбрасывают... Разве у них не хватает времени? Так они живут, будто собираются жить вечно. То, что пылится на полках, так и продолжает пылиться. Музыка, секс, фильмы, алкоголь. Разврат. Ах да, я ведь совсем забыл... Любовь! Они выбрасывают книги, а потом сами же бросаются из окон от такой жизни... В которой они живут и так уверены, что будут жить вечно.

«...Боже, как я тебя ревновал, только одному Ему известно насколько сильно! Я никогда не показывал это, тая злобу в себе, а когда накапливалось все до самого «не могу», я срывался на любой мелочи. Любой пустяк служил громоотводом. Днями я молчал, когда ты сидела рядом и обнимала меня, а ночью кричал, когда ты засыпала. Так громко, что никто не слышал, как я винил себя во всем. Ты же меня лечила, а я себя губил. Боялся тебя потерять на минуту, на секунду и все то время, которого мне так не хватало. Я молчал, считая это постыдным. А чего я стыдился? Своих чувств к тебе или боли, которую причинял себе? Все это время я стыдился себя. Ведь ты такая вся нежная. И перед сном, и поутру. Даже в моей грубости ты оставляла свою нежность.

Вечерами, когда мы с тобой занимались любовью, это был не секс. Я весь в тебе, и до конца, запах волос, шеи, груди. А когда ты сжимала мои ноги своими, я еще больше хотел, чтобы тебе было приятно. До конца... Во вздохах и запахах. В поцелуях и в кусании губ. Я был в тебе и чувствовал, что во мне ты еще больше. Это был не секс. Теперь я это понимаю...»

Закрыв книгу, Роза посмотрела на мужчину, который все это время

не отводил от нее глаз. От этого взгляда она почувствовала себя некомфортно.

– Роза, эту книгу я вам не отдам, – спокойно и настойчиво сказал он. Затем добавил: – Но у меня есть предложение!

Она уже привыкла к тому, что он называл ее Розой, и даже с этим смирилась, а вот к его присутствию привыкнуть не могла. Никак.

– Какое предложение? Руки и сердца? – с насмешкой спросила она.

Он добродушно улыбнулся, глядя ей в глаза, и постепенно его улыбка перешла в серьезный и грубый взгляд. От этого ей стало не по себе. Мурашки под кожей. Учащенное сердцебиение. Явное волнение Розы расцвело перед ним во всей красе.

– В твоей чашке кофе большая доза одиночества. Ты пряталась за своими сонетами, даже не читая их. А теперь ты нашла дозу сильнее даже своей сигареты... В этой книге. Но поверь мне, она тебя спрячет лишь на время. А после – снова. Все сначала.

Он говорил твердо и уверенно, и это ее поразило. Впервые переступая границу «вы», она смогла показать себя настоящую. Какой она была на самом деле, а не в глазах других. Потекшая тушь, расслабленная бровь. Чистые глаза. Настолько чистые, что...

Он предложил ей свой платок, но она жестом показала, что не нужно: у нее есть. Вытирая капли с лица, она смывала фальшь и боль, что давила на нее, как ни один каблук в мире. Роза улыбнулась. Искренне улыбнулась. Так, что на душе у него стало тепло. Теплее, чем всегда. Он улыбнулся ей в ответ.

– Вот теперь ты по-настоящему прекрасна, Роза, – взяв ее за руку, сказал он.

Она не оттолкнула его, даже наоборот, ей стало приятно от касания его руки. Она будто доверилась ему. Слепо, без всяких сомнений. Он гладил ее руку, а она наклонила к нему голову, чтобы положить на плечо.

Роза улыбалась, ей было легко и спокойно. Она не боялась его ни секунды и прижималась все крепче. Ей становилось теплее и уютнее. Кто он? А впрочем... Не важно. Это сейчас не имеет никакого значения...

– Почему ты называешь меня Розой? – тихо, на ухо спросила она у него.

– Роза... Все любят смотреть, как она цветет. Расцветает. И все отворачиваются, когда вянет. Изображают сочувствие. Сожаление... Затем ее выбрасывают, – огорченно сказал он.

Слезы наворачивались на ее глаза, она хотела что-то сказать,

но не смогла. Будто ком в горле. Ей было больно, и он эту боль почувствовал всем своим телом.

– Я не видел, как ты расцветала, Роза. Но каждый день, на протяжении двух месяцев, я смотрел, как ты вянешь...

Когда она вернулась домой, каблуки не послужили причиной обыденной, но терпимой боли. Каждый день, снимая их, она чувствовала облегчение. На минуту, семь или даже десять, а затем наступала вечность. В тишине. Пустоте пространства. Комнат. Она теряла себя в спальне. Сколько криков каждую ночь впитывала в себя подушка! А музыка звучала все громче. Ее музыка. Немая музыка глухого слушателя. Вот так она сходила с ума. Каждый вечер, каждую ночь. А утро... Все тише и спокойнее. И только поутру ее недуг был излечим крепким кофе и сигаретой. Шумом за окном и стуками соседей. Только поутру она прятала себя за другими. За яркой тушью. Тонем помады скрывала свои губы, которым так не хватало...

И так день за днем. А после – вечера за ночью. Музыка играла. А слушатель – немой. Так бы и продолжалось. Но только не сегодня...

Она лежала в теплой ванной и о чем-то мечтала. Ей становилось легче. От кончиков пальцев ноги и до самых глубин себя. Так легко и приятно. Возможно, она чувствовала его присутствие или не могла отойти от нежности тех грубых рук, что гладили ее днем. Роза улыбалась. Смех? Нет, не в порыве очередного сумасшествия – она улыбалась с чистыми глазами, водя рукой по воде. Ее июль обнимал февраль. Она чувствовала себя нужной...

За три квартала первых звезд и прохладного ветра, он сидел на балконе и смотрел на небо. Что он в нем видел? Наверное, что угодно, но только не звезды. Даже шум улиц и недовольные крики водителей не могли оградить его от той тишины, в которой он находился. Слепой тишины. Неувиденных глаз. Недослушанных слов. И только ветер своим сильным порывом приводил его в чувство.

«Когда я впервые тебе изменил, ты запретила к себе прикасаться. Ты пыталась уйти, сбежать от меня, но я тебя не пускал. Била меня в грудь и лицо, когда я тебя крепко сжимал, и называла меня тем, кем я был после этого. Когда ты достала нож, я впервые почувствовал, насколько ты мне нужна и какой я... После этого поступка.

Глядя мне в глаза, она сделала резкое движение. Кровь медленно капала на пол из ее запястья. Как только я сделал шаг, она крикнула: «Не подходи!», затем приставила нож к шее. Я не знал, что делать, мои руки дрожали, а сердце выбивало ребра. Я настолько боялся ее потерять. Она была настроена решительно. Безо всяких сомнений, она была готова к следующему шагу. Паника, дикий ужас охватили меня. Невнятно, дрожащими губами я выдавил из себя, чтобы она убрала нож, и мы спокойно все обсудили. В ответ я услышал смех, громкий смех... Ее рука ослабела и, выпустив нож из рук, она упала. Подбежав к ней, я начал щупать ее пульс. Она потеряла сознание, но была жива. Представляете? Она была жива! Слезы бежали у меня по лицу. Капля за каплей. Задыхаясь от боли, что обжигала всю мою грудь, я нес ее на руках к кровати. Она была жива...

Понутру я ожидал чего угодно, но только не того, что произошло. Она поцеловала меня в лоб и прижала к себе. В эти минуты я осознал, какая я тварь и ничтожество. И любой человек, посмотрев со стороны на эту ситуацию, сказал бы про себя: «Какая же она влюбленная дура!»

Отложив книгу на тумбочку, он завел будильник, как обычно, ровно на семь утра, и потом усердно пытался уснуть. Я бы даже сказал, отчаянно.

Ночь намного сильнее обостряет одиночество. В темной комнате, наедине с собой и своими мыслями, ты еще больше осознаешь свою ненужность. Когда тебя бросает в жар, ты считаешь себя брошенным, и больше всего тебе не хватает его – человека, что держал бы тебя за руку в эту темную ночь, в этом мрачном доме... Тебе не хватает тепла, а одеяло не сможет согреть тебя так же, как музыка не может заменить голос, который ты хотел бы услышать. Слушать. Понимать, что ты не один в этом мире, в этой кровати, в этой пустой квартире. Лишь будильник так верно и вовремя будит, а как бы хотелось проспать...

Не сомкнув за ночь глаз, он услышал, как зазвенел будильник. Ровно семь утра.

Это утро было другим, не таким, как всегда. Достав спрятанную пачку сигарет, он вытянул из нее все двадцать штук и положил на кровать. Делая себе чай, в этот раз заварки он не пожалел. Я бы даже не назвал это напитком: в кружке было чуть меньше половины заварки и столько же воды. Подкурив сигарету, он делал слишком глубокие затяжки, и без привычки, после перерыва в два года, они пьянили его не хуже любого коньяка. Затягивался снова и снова, запивая чаем. Докурив одну сигарету, он почувствовал, что перед глазами начало двоиться. Сильное головокружение, сухость во рту. Тошнота. Он тянулся к следующей

сигарете, так, будто был вдребезги пьян. Закурив другую и запив своим напитком, он уже ничего перед собой не видел. Свет... Кружка выскользнула из рук и разбилась об пол. Затем упал и он.

Роза никогда не опаздывала. Никогда. И на этот раз она переступила порог кофейни в четыре. Всё как обычно – на удивление, посетителей почти не было. Кроме постояльцев этого заведения, никто здесь не задерживался больше, чем на два раза. Обычная кофейня, которых в этом городе полно, но вот людей она почему-то к себе не привлекала. Возможно, все дело в кофе? Хотя нет, кофе у них был неплохой. Возможно, все дело в обстановке. Слишком она была мрачной и, я бы даже сказал, отталкивающей. Безвкусные темные стены, тихая депрессивная музыка. И, как бы странно это ни звучало, именно внутри, а не снаружи – сплошной дождь.

Сняв пальто, она осмотрелась по сторонам. Его столик был пуст, впервые за эти два месяца он был пуст. Он не пришел. Тот, кто еще вчера гладил ее руки и снял с нее маску, которая день за днем вращалась в ее лицо, не пришел. Тот, кто не назвал своего имени, но назвал именем розы искалеченную душу, увиденную им еще с первых дней, опоздал на целую вечность. Она доверилась ему и так ждала этой встречи, чтобы сказать ему все то, что он тогда не услышал. Огорчение? Нет. Она была подавлена. В эту минуту, в этот час она нуждалась в нем больше, чем в себе. Как? Как он мог оставить ее, когда на его плече она оставила всю себя? От нежности ладоней, доверия, и до горьких слез... «Зачем тогда все это было нужно?» – обреченно повторяла она себе...

Когда он пришел в себя, за окном уже было темно. С большим трудом он поднялся и включил свет. Разбитая кружка под ногами – видимо, это осколком он зацепил руку. Так, небольшая царапина, о которой он сразу же забыл, посмотрев на часы. Без восьми минут три. Ночь. «Неужели я так пролежал почти сутки?» – с удивлением подумал он. Голова раскалывалась. Тошнота. Сильная тошнота. Такое ощущение, что выпил он полбара, а затем упал у самой кровати. Окурки под ногой, табачный дым. Посмотрев на все это со стороны, он тихо, но с полным отвращением процедил сквозь зубы: «Какой же ты слабак!» Ему было противно от самого себя, он сломался, как спичка, которой подкуривают все свои беды.

Приняв душ, он набрал из-под крана воды и выпил стакан залпом.

Самочувствие, скажем так, у него было неважное. Посмотрев в зеркало, он улыбнулся от всей души и сказал про себя: «Какой же ты красавец! Все женщины твои, стоит тебе только выйти на улицу!» Достав бритву, он побрился и похлопал себя по щекам. Резкий запах одеколона быстро приводил его в чувство. «Вот теперь лучше» – мысленно подбодрил он себя.

Он вышел на балкон. Приятная прохлада захватывала дух. Так тихо и спокойно – вот в таком мире он хотел бы жить. Без людей и шума, вечных криков и суеты. Жизнь будто остановилась в четыре утра. Это было неописуемо красиво. Вот бы остановить стрелки часов...

Лепестками по ветру...

Расцветай, Роза,

Расцветай.

Не потеряй себя в своем цвете, но и цветом своим не погуби других.

Лепесток за лепестком... Не изменяй себе в измене других.

Расцветай, Роза, расцветай.

К шедевр прикоснуться невозможно. В него нужно нырять,

Со всей души и в самые глубины.

К шедевр прикоснуться невозможно. В нем можно только утонуть...

Расцветай, Роза.

Расцветай...

...повторял он себе, глядя в ее глаза, как в книгу, которую перечитывал день за днем. Дословно. Наизусть... Что он видел в ее глазах? Что скрывали те веки? Дождь? Нет. Карие... И усталые, как солнце, что так отчаянно будит мир, который его же за это и ненавидит. Сонные... Темные мысли не оставляли ее в покое. Ни на минуту. Ни на шаг...

Он наблюдал за ней. В ее походке не было курса. Гордости. Решительности... Не глядя под ноги, а впереди... Не увидев ничего. Обернуться? Ведь то, что было за спиной, сопровождало ее день за днем. На каждой улице и за каждым углом. Оно дышало ей в спину, не в силах коснуться волос... Не в силах заставить ее обернуться. И только на распутье она задала себе вопрос: «А стоит ли...?»

– Ты не пришел, – спокойно, но огорченно сказала она, отводя глаза

в сторону.

Он хотел взять ее за руку, но она ему этого не позволила.

– Не смей ко мне больше прикасаться, – ответила она на его жест, глядя в стеклянные глаза, в которых увидела собственное отражение.

Зеркало... Первое, что пришло ей в голову – зеркало. Она испугалась. Ее пальцы заметно задрожали от волнения, и она незаметно, как ей показалось, попыталась спрятать свои руки, сложив их на коленях. Что это было? Взгляд... Будто она смотрела не в глаза человеку, а в зеркало, и испугалась собственного отражения.

– Кто ты? – спросила она после длительной паузы.

Он молчал, не отводя от нее глаз. Может, у него не было ответа, но, скорее, его просто не было... Рядом.

– Ты мне был нужен как никогда, черт бы тебя побрал! Ты даже не опоздал, хотя раньше и дня не проходило, чтобы ты не появился здесь... Я даже имени твоего не знаю!

– Роза... – оборвал ее он, и впервые за этот день она услышала его голос.

Он хотел что-то сказать, но, не найдя подходящих слов, плавно нагнулся к ней, обхватив рукой ее шею, а другой глядя ее лицо, и поцеловал.

Это было так неожиданно, и к этому шагу она была совсем не готова, но и отталкивать его в ее планы явно не входило. Роза еще сильнее прижала его к себе и целовала так, как целуют своих любимых – с закрытыми глазами и открытым сердцем.

– Я хочу еще, – не открывая глаз и прикусив верхнюю губу, прошептала она.

Он закурил и, закрывая лицо руками, повторял про себя: «Дурак... Какой же я дурак! Что я делаю?» Ему было горько смотреть на ее счастливое лицо. Улыбку. Как она расцветает на его глазах. И дело даже не в шипах, что так резко вонзались в его душу, которая голыми руками обхватила цветок. Он понимал, что это неправильно, но ничего с собой поделать не мог. Он уже был сломан. Еще тогда, в квартире, на холодном полу, среди окурков и вонючего дыма, среди осколков разбитой кружки... Уже тогда он был сломан.

– Роза, мне нужно... – слегка растерянно начал он, но она его оборвала, открыв глаза.

– Ты и правда считаешь меня такой наивной? – ему в слезах не приходилось видеть столько боли, сколько было в ее улыбке.

Она улыбалась, не отводя от него глаз и слегка наклонив голову. Ее взгляд был более серьезен, чем секундой раньше. Со стороны могло показаться, что она им увлечена и просто заигрывает.

– Ну, скажи это, я хочу услышать, – наигранно сказала она, улыбаясь.

– Ты не в моем вкусе.

– А может, я слишком хороша для тебя? – рассмеялась она.

– Одно другому не мешает, – с улыбкой поддержал ее он.

Она показала себя в другом цвете, возможно, сама того не желая. От грусти и следа не осталось. Тепло... Ее улыбка согревала его остывшие внутренности. От нее исходило необычайное тепло. Такое чувство, будто на ладони таял лед.

– Знаешь, мой милый незнакомец... Я хочу, чтобы ты это знал. Ты весь такой – в моем вкусе. Но не настолько хорош для меня... Да, и целуешься ты великолепно, уж слишком хорошо, чтобы принять это за комплимент.

После этих слов она молча встала и без лишних церемоний забрала книгу, которую он так упорно не хотел ей отдавать. Гордой походкой она направилась к выходу, но у самой двери остановилась и на мгновение застыла на месте. Затем обернулась и направилась к нему.

– До встре... – не успел договорить он, встав из-за столика, как она обхватила его шею руками и поцеловала.

Короткий и неожиданный поцелуй длиною в секунду. Такого поворота он даже представить себе не мог.

– Вот теперь прощай! – кратко и гордо доносилось вслед...

Выслушать... Просто слушать, даже не услышав, даже не подав вида сочувствия. Просто выслушать... Этого больше всего не хватает людям. Они не принимают этого и уж тем более не отдают. Не понимают, что главное – вовремя выпустить наружу все то, что пламенем горит внутри. Они даже не могут сгореть, отпустить и камнем выбросить, как должное, все то, что осталось позади. Оно накапливается капля за каплей, каждый день и каждую ночь. И с каждым криком все громче, а с каждым ударом – сильнее.

Когда ближе врага нет друга, ты осознаешь, что никто не подаст тебе руку. Никто не вытащит тебя из ямы, которую осталось только засыпать землей. А вот на эту роль, маэстро, люди всегда найдутся... Дело вовсе не в них, и не в жизни, которой пытаются заделать все свои дыры. Дело в тебе, и только в тебе. Не ищи виновного: в каждой правде ложка лжи.

И жизни порой не хватает, чтобы понять, что есть жизнь и для чего она дана. Что есть солнце и зачем оно светит. А вот смерть стала ближе жизни. Ей смотрят в глаза, став на самый край этой грани. Обрыва. Но то, что они там видят, не забывают никогда.

Выслушать... Просто выслушать. За стаканом дешевого коньяка, в компании немного незнакомца. За шумом поезда, сидя на перроне. За книгой или за строками этой книги – просто выслушать. И пусть тебя не услышат, и пусть все пролетит мимо ушей... Возможно тогда многие бы забыли слово «бессонница» и увидели, как порой прекрасен поутру рассвет. Возможно тогда многие бы вспомнили, что живут, а не просыпаются, чтобы снова уснуть...

«...Меня всегда считали странным. Возможно потому, что я не следил за модой и не тонул в популярных песнях, как это делали миллионы. Моим хитом всегда было – знать, что сказать и кому это сказать, когда промолчать, для кого остаться немым и, пожалуй, самым главным для меня было – вовремя уйти.

Красивые обертки и гниль в начинке – десерт современного общества. Но это было не по мне. Такие блюда не переваривались во мне, и порой приходилось выворачивать все наружу...

С каких только небес свалилось мне на голову такое счастье в тот июльский вечер у аллеи парка? Улыбаюсь. Как без улыбки вспомнить?.. Возможно, если бы не твой сломанный каблук, вряд ли я писал бы сейчас эти строки.

Когда я нес тебя на руках – дай угадаю! – ты подумала: «Он в меня влюбился». И, наверное, представляла себе, на кого больше будут похожи наши дети, и как я буду стоять с полными пакетами у очередного бутика, а после довольно, под руку, сопровождать тебя домой. Угадал? Смеюсь... Ведь наши с тобой мысли в тот момент оказались почти взаимными. Почти... «Где же это чертово такси?!» Я думал, как бы побыстрее донести тебя домой, пока мои руки окончательно не отвалились. «Слабак!» – подумаете вы? «Диета еще никому не вредила», – отвечу я. С каких только небес ты тогда свалилась, дорогая? Явно не с тех, в которых ты была желанным гостем...»

Оставив закладку на одной из прочитанных страниц, Роза не могла сдержать улыбки. Хорошее настроение... Бокал сухого вина и книга, что так запала ей в душу. Что еще нужно для счастья в этот прекрасный вечер? «Мужчина», – подумала она. Хотя нет, пожалуй, еще бокал вина.

То, что Роза не пришла, было предсказуемо, как и то, что она еще вернется. Зачем? Чтобы задать ему один вопрос или остаться, как и он, немым гостем этой кофейни. Других вариантов быть не могло...

В этот день все его внимание было уделено еще одному постояльцу этого заведения. Скорее, даже не внимание, а восхищение. Париж – так он прозвал его для себя: настоящего имени этого парня он не знал, да ему это было и не нужно. А восхищался он не потому, что Париж приходил в кофейню, чтобы заказать стакан воды без газа и оставить десять долларов на чай. Этот парень лет двадцати пяти носил одну и ту же одежду на протяжении всего сезона. Внешне он был прост, как цент, лежащий на ладони, который можно рассмотреть и, поняв, что на него ничего не купишь, бросить в карман. Но это было только внешне.

Париж подметал дворы как самый обычный дворник, зарабатывая себе на жизнь. Это было в середине августа позапрошлого года, когда начался никем не ожидавшийся сезон дождей. Он был влюблен в одну девушку и, как ему казалось, взаимно. Они целовались на набережной по вечерам, а поутру просыпались в разных постелях. Обычная влюбленная пара, которая еще не переступила порог воздушной романтики – красных роз с красивыми словами внутри, неожиданных сюрпризов и исполнения кокетливых капризов возлюбленной. Чем он зарабатывал себе на жизнь, она не интересовалась, и это было ему по душе.

Черный кабриолет, что удивительно – не красный, не белый, а строгого мужского цвета – был мечтой ее детства. Такого красавца они видели каждый день, возвращаясь с прогулок, и каждый раз ее восторг разделял с ней и он. А днем он подметал дворы, наверное, ни минуты не забывая вечерних порывов любви. Только от резких болей в спине, что так часто тревожили его, он останавливался, стоял и смотрел, улыбаясь, на кабриолет, на мечту всей ее жизни. Хотел бы и он иметь такое счастье, как мечта. Возможно, тогда он бы жил совсем по-другому.

Когда он готовился сделать ей предложение, они уже просыпались на одной узкой кровати и чистили зубы одной щеткой – настолько сближали они свои чувства, что личная гигиена интересовала их уж куда меньше, чем потерянный поутру носок. Страсть... Вспыльчивая, как огонь, и горячая, как чай, которым порой было приятно обжигать свои губы. Эта страсть оставляла следы по всему телу и даже вне его.

В этот день, как обычно, Париж мел улицы и думал о ней. Вечером, на той самой набережной, он хотел сделать ей предложение и начать новую жизнь. Завести мечту и, держа за руку любимого человека, шагать ей на встречу. Как это много, он увидел по ее глазам, что восхищенно

сопровождали свою Мечту...

В тот же день судьба свела их прямо на улице, которую он еще не успел domestify. Она шла со своими подругами, болтая о чем-то своем, прямо ему навстречу. Сначала она его не заметила, а когда заметила, посмотрела ему в глаза. Он смотрел на нее с улыбкой, а она в тот момент готова была провалиться под землю от стыда. Они прошли мимо него, а он вздохнул с облегчением. На один скелет теперь стало меньше. Видно, это судьба, повторял он себе, заканчивая работу.

Вечером он ждал ее с букетом цветов и кольцом в кармане, на том самом месте, где каждый вечер звезды считали их поцелуи. Она пришла вовремя, но с опозданием на целый мир. Грусть в глазах. Она была чем-то расстроена.

Встав на колени, он поцеловал ее руку и признался в любви, сделав ей предложение. Красивая картина. Напротив стоял тот самый кабриолет, что был ее мечтой, а на коленях он, нищий дворник, который предлагал ей свою бедность. Она смотрела то на него, то на кабриолет.

Что она ему ответила?

– Нам не по пути. Прости, если сможешь... И заberi, пожалуйста, кольцо.

Она ушла, а он стоял на коленях. Бросив кольцо под ноги, он встал и направился к тому самому красавцу – черному кабриолету ее мечты. Сев за руль, он не спеша поехал за ней, но она его не заметила. Она совсем ничего не замечала, утонув в своих глубоких мыслях.

– Я купил его в день нашей встречи, – донеслось справа от нее.

Она застыла на месте, когда услышала эти слова.

– Досадно и жаль: твоя мечта оказалась дешевле... За нее я заплатил деньги, а за тебя – самым ценным, что у меня было.

Ничего не понимая, она стояла, как статуя, и смотрела, но не видела. Она его слышала, но совсем не слушала. Тот нищий дворник сидел за рулем ее мечты. Возможно, на мгновение она подумала, что это сон.

– В одном ты оказалась права, – с растерянной улыбкой начал Париж. – Нам действительно с тобой не по пути, – закончил он, со всей силы давя педаль газа...

Прошло три недели, как он встретил Парижа на своем пути. Он по-прежнему мел улицу, в тех самых старых джинсах и затертом до дыр сером свитере. Его волновал только один вопрос, который он задал ему без лишних и не нужных диалогов:

– Разве с каждым днем мусора не становится все меньше?

– Да. Но только не на этой улице...

После его ответа он понял, кто перед ним стоял и как ему удалось в этой жизни стать тем, кто он есть. Больше у него вопросов не возникало. Одно восхищение.

Только что вышедшая из ванны Роза – с полотенцем на голове, без одежды – была еще прекраснее... Рассыпавшиеся по плечам мокрые волосы, оголенная грудь и глаза цвета кофе. Кофейные... Вот только сейчас ее интересовало что-то покрепче. Что-то поглубже банальных слов и поглубже неувиденных снов... Что-то с запахом безумия. С тем запахом, что сводит с ума, закатывая глаза, выгибая талию... до судорог... и уносит далеко, туда, где нет постели. Где только дыхание напоминает о времени, которого нет и быть не может в эти минуты. Громкая тишина. Бешеное биение сердца. Не чувствуя укусов, царапин, не слыша крика... выгибая тело... До конца.

Еще минут десять Роза не могла прийти в себя, отойти от возбуждения в каждой клетке. И в квартире пустой – одна, будто запертая в клетке с собой. Роза... Очнись! Роза... Открой глаза! Роза...

Без сознания она пролежала больше трех часов. Игла в левой руке... Она очнулась, пришла в себя и, вытащив иглу, бросила ее на пол. Подошла к зеркалу и, осмотрев всю себя, наигранно улыбнулась. Смеялась безумно в очередном порыве – сходила с ума, не отводя от себя глаз. А может, ей нравилось так – играть? В большом зале пустых стульев и неслышанных аплодисментов. Актриса... Ее главная роль. Вот только нет антракта в этом театре. А после титров не несут на руках, а уносят. И за черными шторами нет белых полос и каштановых волос. Там за шторами...

День первый. «Суп»

То, что она решила остаться у меня, было не так странно, как опасно. Не скажу, что я боялся ее присутствия, но некий дискомфорт постоянно испытывал. Наблюдал за каждым ее шагом и передвижением, и мне казалось, что ничем хорошим это не закончится. И, как всегда, я оказался прав... Разбитая рамка. В ее руках все становилось потенциальной бомбой, даже книги на полке превращались в безвинные жертвы насилия... Женского пола. Но, благо Господнее, до них она еще не добралась.

Мало того, что это хрупкое беззащитное Божье создание не умело

готовить, так ей еще не понравился мой суп. Представляете? Он был слишком постным. Такая наглость выходила за грани всех рамок, разбитых и еще уцелевших. Первая моя мысль была – чего уж тут таить? – надеть тарелку прямо ей на голову, но эта мысль так и осталась блуждать в моей вскипевшей голове. В ответ я просто промолчал и попытался насладиться своим творением. Шедевром. Все, что я готовил, всегда было для меня самым вкусным и изысканным. Ни одно ресторанное блюдо не могло превзойти моих стараний, и каждый раз я оценивал это по достоинству. Но в этот раз продлилось мое наслаждение недолго... После слов «Я сейчас закажу нам пиццу!» я чуть не подавился. Конечно, я могу понять, возможно, она привыкла так питаться и, скорее всего, от этого я чуть не надорвал себе спину, когда нес на руках ее в тот вечер, но мысль про тарелку на голове все еще оставалась актуальной и возгоралась во мне со скоростью света. Взяв себя в руки после испорченного аппетита, я уже думал, как бы так все обставить, чтобы появляться здесь она больше не захотела даже в самом кошмарном сне.

Пока она заказывала пиццу, я вызвал такси. Не прошло и вечности, как появилось и первое, и второе, с разницей буквально в пару минут. Это совпадение мне было только на руку: как все прекрасно и вовремя.

Я вышел на улицу, но не успел насладиться первой затяжкой дыма, как она забрала портмоне из моих рук. Расплатившись за пиццу, она отправила этого парня в такси со словами: «Видите, какой у меня заботливый и добродушный мужчина? Пожелал, чтобы обратно вас отвезли на такси, в благодарность за вашу бесподобную пиццу». Затем она направилась ко мне и поцеловала в щеку со словами «Пойдем, мой герой». После этих слов я понял, что она не так проста, как показалось на первый взгляд. И палец ей в рот не клади. Вот она...

Женщина...»

Роза была полностью поглощена книгой, сидя на кухне в белом халате. Ее не отвлекали вечные стуки соседей, и только подкуривая новую сигарету, она на доли секунды возвращалась в эту квартиру, чтобы снова ее покинуть. Удивительно, как строки натягивали тонкие струны ее души. Улыбка, удивление, умиление... Каких только эмоций ни скрывало ее лицо! Она была погружена в самую бездну этой маленькой книжечки и с каждой страницей все больше и сильнее пыталась в ней утонуть. Только звук чайника ненадолго отвлек ее... Она аккуратно наливала себе кофе, но ее мысли по-прежнему простирались куда дальше этой маленькой кухни и были куда вкуснее ее горячего латте.

День второй. «Свои порядки»

...То, что ее сумка продолжала лежать на моем рабочем столе, равно как и она сама на моей кровати – было только вопросом времени. Не я затеял эту игру. Ну, что же, посмотрим, сколько ты здесь выдержишься. А смотреть можно было вот на что. Уходить она явно не собиралась – это можно было заметить по ее нижнему белью, а точнее, по отсутствию всего, кроме него. Только глаза. Такие невинные... Хитрые глаза. Таких женщин, как она, встречать не доводилось, и поэтому я натягивал улыбку как можно добродушнее и молча принимал ее условия.

Готовить для нее, разумеется, я не стал, предложив ей сходить в кафе на соседнем углу, в сопровождении ее невидимого друга. Нет, конечно, так я тогда не сказал, но подумал именно так. В ответ на мое тонкое и изысканное предложение она вежливо отказалась. Боже, какого ангела небесного ты мне спустил на землю босиком! А крылья, видимо, сгорели, как и ее тосты поутру.

Разбитые тарелки разбудили меня не хуже будильника, но торопиться я не стал, а, напротив, решил просто снова уснуть. Но, как оказалось, ненадолго. Резкий грохот... Встав и набросив на себя белую майку, я направился в кухню. Картина была следующая. Три разбитых тарелки. Перевернутый стол и все, что на нем было. Благо ее ножи были спрятаны: в тот момент, кроме них, я думать ни о чем больше не мог.

– К счастью, – невинно сказала она, собирая осколки тарелок.

– И тебе доброе утро, – натянув улыбку, ответил я.

В тот момент мне уже было не важно, что она существо слабого пола. Я готов был пойти на любые меры, чтобы это «счастье» в моей квартире никогда больше не появлялось. Но с выдохом я отпустил дурные мысли и решил помочь ей, пока она полностью не разгромила мне кухню. Каким образом она перевернула стол, я спрашивать не стал. Держать себя в руках становилось все труднее, а ей, как показалось, легче. Это временно, это всего лишь временно, повторял я себе, собирая осколки тарелок и разбитых чашек. Медленно и глубоко дыша носом, я восстанавливал свою психику – до этого дня я даже слова такого не употреблял, а теперь можно смело садиться на таблетки от нервного срыва. Но она все-таки решилась добить.

– Дорогой, я только хотела покрасить ногти, – безобидно и спокойно начала она. – Только я села поудобнее и положила на стол свои ножки, как он...

Она не успела закончить, на свое же счастье. Сказать, что я был

взбешен – значит, не сказать ничего. В таком гневе я себя еще не помнил, более того – осколок, что был сжат с огромной силой в руке, капля за каплей наполнялся жидкостью. Красной. Но это меня беспокоило меньше всего. Ни боли, ни шока я почти не ощущал.

– Ты красила ногти на ногах... на этом столе? – сквозь зубы процедил я.

– Извини, я так привыкла и не хотела, чтобы так получилось... Извини! – в слезах, виновато закончила она.

Актриса из нее еще та. Как ее до сих пор носят на этом свете, ума не приложу! Где же ты, кирпич, когда ты так нужен голове? Выбежав из кухни, она направилась в спальню, оставив меня наедине с этим...

На кухонный стол, на котором я каждый день принимал пищу, она клала свои ноги. Сколько матерных слов я вспомнил в тот момент! Даже тех, что не знал, а некоторые придумывал на ходу. Приведя все в порядок – хотя, какой там порядок! – я обматывал руку бинтом и понемногу приходил в себя, в спокойное состояние, если это можно было так назвать. Это только второй день, а чувствую, что лечиться мне нужно будет месяца два, как минимум, после такого, мягко говоря, стресса.

Я зашел в спальню. Она меня не заметила, но скорее сделала вид, что не заметила. Все-таки не уберег я свои книги, она добралась и до них. Я выдохнул... а на вдохе попытался начать разговор.

– Не забывай, что ты в моей квартире, и будь добра соблюдать мои порядки, – спокойно, но твердо начал я.

Она пересматривала книги, даже не повернув голову в мою сторону. Но, тем не менее, я продолжил:

– Во-первых, никаких «красить ногти на столе». Только не в моей квартире. В ванной комнате – пожалуйста, но только не за ее пределами. Да, кстати, моей бритвой не брить ноги, другие места и даже усы, если они вдруг начнут расти. С этим вопросом уяснили, – твердо закончил я.

– Во-вторых, не нравится моя еда – учись готовить сама или иди в заведение общественного питания, но никакой пиццы в моей квартире. Никогда. И к кухне не подходи, даже если нужно будет заварить чай или кофе. Я все сделаю сам.

– И в-третьих... – не успел закончить я, как она меня перебила.

– Извини, дорогой, ты что-то говорил? Я так увлеклась этой книгой, что все прослушала, – с некой обидой и радостью в глазах сказала она. Затем добавила: – Ты что-то говорил про чай и кофе... Сделай мне кофе, только не на свой вкус. Эспрессо с двумя ложками сахара, пожалуйста.

День третий. «Дьявол»

То, что в моей квартире находилась сатана в женском облики, никаких сомнений больше не вызывало. Да, не спору: грешен и я, как и миллионы людей на этой планете, но в самом разгаре своей жизни встретить дьявола... В чем же нужно было так согрешить?

Я не то что боялся оставлять ее одну в своей спальне, которая уже третий день была в ее владениях, я даже чихнуть без моего присмотра ей позволить не мог. Каждый ее шаг – как по минному полю. Слепой сапер, по-другому и не назовешь это милое создание. Проклинаю тот июльский вечер, я уже боялся покидать квартиру даже на пару минут. Чего от нее ожидать? Явно не походов по воде с криками «Аллилуйя!»

В этот раз все произошло внезапно... Страшнее было ожидание беды, чем она сама. Особенно когда эта «беда» поселилась в твоей спальне. Я, как обычно, принимал теплый утренний душ, закрыв глаза на то, что все в ванной комнате уже было обставлено ее кремами, гелями и прочей женской... Сигаретный дым проник даже в ванную, плотно закрытую изнутри. Обмотав себя полотенцем, я выбежал и увидел следующее: вся квартира была пропитана дымом, а она, как ни в чем не бывало, лежала на кровати и сбрасывала пепел в мою любимую маленькую чашечку, с которой каждое утро я наслаждался кофе.

– Твою мать! – не сдержав эмоций, вскрикнул я.

Мало того, что она убила мне больше нервных клеток за эти три дня, чем я сам за всю свою жизнь, так она еще решила добить меня инфарктом.

– Ты что творишь? – совладать с собой я уже был не в силах.

Вывав из ее рук сигарету и потушив ее в чашке, я открыл балкон и в гневе выбросил чашку вниз. Свежий воздух проветривал квартиру, и от этого становилось прохладно. Из всех сил игнорируя ее присутствие, я направился в гостиную, чтобы одеться и выпроводить ее без всяких церемоний. Все, спектакль окончен. Такого я больше не потерплю.

На ходу она сорвала с меня полотенце, и я остался перед ней в чем мать родила. Стыд? Нет, к большому удивлению стыдно мне не было. Она смотрела то на меня, то опускала глаза ниже. В ее глазах не было интереса, в любом случае, я этого не заметил. В них было что-то другое...

– Никогда не видела голого мужчину? Так вот я, смотри, – даже не собираюсь поднимать полотенце, сказал я.

– Мужчину видела, а мальчика с величием Бога – нет, – спокойно ответила она, затем добавила: – У мужчины эго не должно выходить за рамки языка, а в твоём случае оно не помещается не только в этой

квартире, но и в любом месте, где бы ты ни находился.

Мало того, что этот, как она назвала «мальчик» был старше ее не только по годам, но и по прожитой жизни, так еще вдобавок мне были прописаны курсы лечения этим чудо-психологом. То, что я эгоист, я знал и без нее, но величать себя богом – это уж слишком.

– Ты закончила? – с насмешкой спросил я.

– Нет! – отрезала она. – У тебя на среднем пальце перстень, – она взяла мою руку и с интересом стала осматривать мой перстень.

– Белое золото, – уверенно сказала она.

От ее слов у меня участилось сердцебиение и дыхание стало неровным, она повергла меня в шок. Но показывать это я не стал, никак не отреагировав в ответ. Как? Как она могла попасть прямо в точку? Белое золото очень похоже на серебро, платину или простое железо, которое можно купить за пару долларов в любом переходе.

– Так интересно... Ты живешь в дешевой квартире, носишь дешевую одежду и пытаешься за всем этим скрыть дорогое. Нет, я бы даже сказала, ценное. Ведь ты не такой на самом деле, просто... – не успела закончить она, как я ее перебил:

– Это кусок железа, и не более того. И я такой, каков я есть.

Нужно было заканчивать этот диалог, ведь она действительно начала копать в нужном направлении, и рано или поздно она бы докопалась. Только мне это было не нужно, как, впрочем, и ей.

– Мои серьги. Как ты думаешь...

– Серебро и парочка мелких стекляшек. Ничего удивительного, – убежденно заявил я.

То, что эти сережки не из перехода за девяносто или сотню-две долларов, я был уверен без всяких сомнений. Она была весьма прилично одета, не менее прилично рассуждала. Все факты налицо. Но я бы не удивился, если бы продавец уверил ее в том, что эти камни в её серьгах – настоящие бриллианты. Да, это бы еще больше стройнило ее самооценку. Пожалуй, все так и было.

– Не угадал. Платина. И «стекляшки» эти – боюсь, не смогу тебя удивить... Бриллианты! – улыбаясь, ответила она, и по ее улыбке явно было видно, что верить ей я не стану.

Без продолжения диалога она бросилась на меня и повалила на кровать. Я лежал на спине, а она на мне. И смотрела в глаза, а затем на губы. Это можно было назвать игрой: кто сделает первый шаг навстречу вовсе не ветру, а другому, что имело свой запах и вкус. Я отвечал ей взаимностью, глядя в глаза, а затем на губы. Но резкий прилив, который

она просто не могла не почувствовать, заставил меня сделать этот шаг...

Дело вовсе не в сексе, хотя кого я обманываю? В тот момент, а затем еще, с небольшими перерывами, все дело было в нем, и только. Ее тело пахло мной, а это возбуждало еще сильнее и дольше. Обычный секс, что имел необычную страсть и желание. Давно у меня такого не было.

В комнате было прохладно, балкон так и оставался открытым, но нам тогда прохладно не было. Только когда за окном стемнело, обессиленный и насытившийся по самое не могу, я встал и, выйдя на балкон, закурил. День сегодня был прекрасный, как и вечер. Надеюсь, ночь будет спокойной и глубокой. Я хотел спать, как никогда раньше, и сразу уснуть: приятная усталость была лучшим снотворным во все времена.

Наутро меня ожидал сюрприз...

День четвертый. «Сюрприз»

К большому удивлению, в этот день меня разбудил не грохот разбитых тарелок, не шум за открытым балконом, и даже не будильник. Запах... И, к еще большему удивлению, запах не подгоревших тостов или яичницы с беконом, а приятный запах, пробуждающий аппетит. Зайдя на кухню, я не поверил своим глазам. Сначала я подумал, что это сон, и это бы все объяснило, но, ущипнув себя за левую руку, я пришел в сознание. Это не сон, и она в моей синей рубашке была наяву. На столе стояло только приготовленное мясо по-французски, его запах вызывал аппетит, и внешне все выглядело достаточно изысканно. Две чистых тарелки, возле каждой – вилка и нож, два бокала и бутылка сухого вина, а на середине стола стояло ее главное блюдо. Честно говоря, сказать, что я был удивлен – это ничего не сказать, абсолютно.

– Доброе утро, – сказала она, увидев в моих глазах растерянность и отрицание происходящего.

Ответить ей в этот момент я не мог: прокручивал в голове разные версии, начиная от глубокого сна и заканчивая галлюцинациями, которые могли вызвать какие-то таблетки, что она подсыпала в воду перед сном. Слишком все настоящее, чтобы оказаться реальностью.

Пощечины от этой хрупкой ручонки я, конечно, не ожидал. Но пришел в себя моментально, и ее действия не оказались напрасными.

– Ну, как ты, проснулся? – глядя мне в глаза, спросила она, а затем добавила: – Или еще раз тебя взбодрить?

– Нет, все в порядке. Благодарю, – бодро ответил я, чтобы не получить от нее очередной порции нежности.

Значит вот как. Готовить она умеет и, судя по запаху, достаточно хорошо. Какие еще сюрпризы меня ожидают?

– Ты никогда не сталкивался с женщинами? – спросила она, смотря на меня удивленными глазами.

Сталкивался ли я с женщинами? Хороший вопрос. Сталкивался пару раз в метро или общественном транспорте, но там все друг друга толкают, особенно в час пик.

– Нет, – серьезно ответил я.

– Врать у тебя получается намного хуже, чем готовить, – с улыбкой заявила она.

Если она знала ответ, то зачем тогда спрашивала? Женщина...

– Переступившие порог твоей квартиры, наверное, и дня не продержались в ней. Бедные девушки, – с насмешкой продолжила она.

«Почему же? Два дня – рекорд, хотя признаю, ты его побила и, я бы даже сказал, растоптала», – про себя ответил ей. Но вслух этого комплимента от меня не дождешься.

– Давай завтракать, пока не остыло. Не терпится оценить твои старания...»

За окном уже было темно, но даже тусклый свет лампочки не мог оторвать Розу от этой книги. Только посмотрев на часы, она заметила, что выкурила почти пачку своих крепких «Lucky Strike». За день, кроме кружки выпитого кофе, она ничего не съела, но и голода не ощущала. Это было из-за сигарет, любой курильщик знает: чем больше куришь, тем меньше аппетит.

Закрыв книгу, она направилась в ванную, чтобы расслабиться в теплой воде и, как ребенок, сдуть из себя пену. Но, как оказалось, просто так отойти от книги она не смогла, все ее мысли были погружены в нее, и никакой слой воды не в силах был смыть эти мысли.

Уснуть Роза смогла только под утро...

Утро... У всех оно такое разное, но одинаково приходит ко всем. Точное, как стрелки часов, для одного – прекрасное, а другой не рассматривает его цвет. Для одних это утро первое, для других, не успевших его рассмотреть и почувствовать, – увы, последнее...

Так устроен механизм. И его запчасти всегда верны и глухи, как старые настенные часы.

«Шесть двадцать девять», – взглянув на часы, сказал про себя он, тот, чье имя не было известно Розе. Это утро он ждал долгих и мучительных два года, представляя каждую минуту и секунду этого момента. В каждом дне вел немые монологи и, наконец, время пришло. Он был готов и решителен, без всякого сомнения и страха. Пора...

Искать долго не пришлось. Париж, как обычно, мел улицы на углу соседнего дома. В тех самых старых джинсах и сером свитере. Наблюдая за ним, невозможно было не заметить, что работал он чисто и увлеченно, не оставляя после себя следов.

Ледяной ствол револьвера уперся прямо в его затылок, только после этого Париж застыл на месте. Конечно, он слышал тихие шаги сзади и эту ситуацию мог предотвратить еще до ее начала, но...

– Намного страшнее ожидание, чем сама смерть, – обреченно, но спокойно сказал Париж.

– Ты боишься смерти?

– Не больше, чем ты меня, – заявил он тому, в чьих руках находилась его жизнь. Затем добавил: – Убить человека не так просто, особенно глядя ему в глаза.

– Медленно повернись лицом ко мне, я удостою тебя такой чести.

Париж обернулся, и теперь ствол касался его лба. Сказать, что им овладел страх, было бы ложью. Ни страха, ни паники, только расширенные зрачки выдавали его учащенное сердцебиение. Дыхание оставалось ровным.

– Пустые глаза наполняются жизнью. Забавное зрелище, – улыбаясь, сказал он.

Париж и правда прокручивал моменты своей жизни, осознавая, что вернуть то или иное он уже не в силах. Не в его положении прощаться с единственным близким человеком его жизни. В тот момент он бы отдал все свое состояние, чтобы этот день наступил позже. День расплаты, который тяжелым грузом он носил все эти годы, прекрасно понимая, что этого дня не избежать никак. Ни капли сожаления, ни слез отчаяния... Он был готов.

– Чувствуешь вкус этих секунд, ценишь последние вдохи воздуха, но при этом остаешься собой. Вот что всегда восхищало в тебе, Париж...

– Стреляй! – процедил он сквозь зубы своему убийце, не отводя от него глаз.

Его рука даже не вздрогнула, нажав на курок. Громкий хлопок...

Париж упал на колени, подавившись воздухом. Задышавшись, он начал кашлять, будто проглотил огромный ком. Только в эти минуты он

почувствовал дикий страх и нечеловеческую панику. В то время как его собеседник уже отдалялся от него, ускорив свой шаг, и, зайдя за угол соседнего дома, вовсе исчез из вида.

– Зачем? – громко прохрипел Париж, вызвав тем самым еще больший кашель.

Слезы наворачивались на его глаза. Он остался жив, глядя в лицо смерти. Попрощавшись с жизнью и не цепляясь за надежду, он был готов уйти. Вот только время его еще не пришло. Блеф...

Зайдя в квартиру, он положил револьвер на стол. Только ему было известно, что патронов в нем не было, и только он прекрасно знал, что подарил человеку жизнь, которая не стоила и цента.

Когда тебя коснулась смерть своей холодной ладонью, ты начинаешь видеть то, чего раньше не мог видеть, чувствовать... От капли росы поутру и до холодного дождя, под которым тебе становится тепло. Только смерть может научить человека жить. Как ребенка учат ходить в первые годы, так и взрослый, переосмыслив прожитое, начинает идти по-другому, неведомому раньше пути. Каждая мелочь приносит радость, каждая неудача так и остается неудачей, но уже не камнем, о который можно споткнуться. А если и споткнулся, то появится очередной повод встать. Как не в печали, так в чем познают радость? Кто не умирал, тот и не жил вовсе...

Картины смотрели на него, а он прятал револьвер, которым сегодня показал человеку жизнь. Жестокому человеку, в котором если и оставались клавиши чувств, то его пиано давно было сломано и растоптано им же самим. Он восхищался им как художник, как человек – он его ненавидел. Картины вокруг... Темные глаза, как и волосы. Глаза женщины, которую он любил больше своей жизни. Сухие губы, недоцелованные и потрескавшиеся от ветра... Он мог к ним прикоснуться и, водя по ним рукой, ощущать, как бьется ее сердце. Немые губы, которые он целовал, аккуратно прикоснувшись к своему шедевр. Капля за каплей скользила по контурам, каждый день высыхая, но горький вкус этих губ постоянно обжигал его... Темные глаза, в которые он смотрел, темной ночью были светлее звезд, тех самых звезд, что однажды его предали.

Карандаш. Одиночество. Мрак...

«...Эти первые дни были особенными. Нет, не потому, что мы загорались в постели и в своих ярких вспышках теряли рассудок. Просто не было причин смотреть на календарь, не было желания следить

за временем. Все как будто остановилось в один момент. Выключить свет, отключить мир и смотреть в глаза. Неизведанные... Мне это нравилось. Я никогда не испытывал подобных чувств к женщине. Больше, чем увлеченность, но меньше, чем привязанность...

То, что люди называли любовью, я всегда называл мусором. Туалетной бумагой, которой потом подтирали то, что от нее оставалось со временем. Обещания, клятвы, все эти нежности – от дорогих подарков до дешевой банальности. А потом – детей растить, крики, ссоры, бытовые радости. Слезы, измены, чувство вины... То, что остается в итоге, так неизбежно. В лучшем случае – взаимопривязанность на фоне взаимопонимания и чувства ответственности за детей. В худшем случае – жалость, неразделенность, обиды. И это все вы называете любовью? Я бы язык отрезал тому, кто придумал это слово, и заставил бы его же проглотить.

Чувство собственности. И не более того... Как вещи: сначала их покупают, потом их донашивают другие, а затем их выбрасывают. Я не возьмусь сказать за всех, но скажу за себя: любой человек – собственник, кем бы он ни был и что бы он ни говорил. Но вот в чем парадокс: не всегда свою «собственность» можно удержать, и, как ни горько признавать, любой собственник – это всегда чья-то собственность. Вот в чем главный фокус!»

Последняя мысль автора о любви не понравилась Розе, и более того, она начала спорить сама с собой, доказывая совсем обратное. Она перелистнула эту страницу от осознания бесполезности спора и принялась углубляться дальше.

То, что она не появлялась в кофейне уже третий день, видимо, меньше всего волновало ее сейчас. Но женское любопытство взяло вверх над ее мыслями, и она начала думать о нем. Как красиво она ушла в тот день... С гордой походкой и пламенным поцелуем на прощание. Интересно, ждет ли он ее?

«Когда она призналась мне, что я дурак, я понял, что она вовсе не дура. И никогда ею не была, в любом случае, на протяжении совместного мучительства – точно. Что в ней привлекало больше всего, так это пальцы. Начиная с того, как они держали сигарету, и заканчивая сплетением в моей руке. Они были какими-то особенными – тонкие и холодные, но до жара привлекательные, наигранные, или это было что-то большее... Тяжело объяснить словами состояние, когда пальцы человека намного приятнее и чувственнее, чем сам человек. На седьмой день я их

поцеловал – к горю своему, так как на восьмой день я пробудил в ней тему «любви».

– Каждая женщина желает быть любимой, – мечтательно начала она.

– А мне казалось, что каждая женщина мечтает, чтобы у ее мужчины носки не воняли. Ну, и крышку унитаза не забывал поднимать, – улыбнулся я.

Она повернулась ко мне и посмотрела, как на идиота. О, да. Этот взгляд не спутаешь ни с чем.

– Ты никогда не любил? Не целовал нежно плечи, держа ее за талию, шею?... Не целовал руки, стоя на коленях, а на ее колени положив свою голову? Ты никогда не просыпался с мыслью, что ее может не быть рядом? Представляешь, просто не быть. Ты никогда...

– Хватит! – со злостью отрезал я.

– Так и женщина нуждается в любви не меньше, чем мужчина нуждается в ней, – сказала она слегка огорченно.

– Вот уйду я, и ты останешься как раньше, один в своей квартирке, наедине со своими книгами, фотографиями. Наедине с собой. Ах, да, я забыла совсем – и супом своим изысканным. Вечерами будешь сидеть в парке и курить свои сигареты, думать, чего тебе в этой жизни не хватает. Потом приходить домой, включать свет, и кругом пустота. Все на своих местах будет лежать, вот только ты себе места находить не будешь.

– Уходи, – спокойно ответил я.

Она умеет блефовать – это ее главный козырь. Садиться с ней за один стол, даже с фулл-хаусом на руках, я бы не стал. Но это не игра, и мы в ней не карты.

– Ты так уверен, что я не уйду, как я уверена, что проснешься ты завтра один и будешь меня ненавидеть за то, что ворвалась в твою жизнь, чтобы просто и тихо из нее сбежать.

Когда она закончила, мне стало не по себе. Я не знал, что ей ответить, да и, сказать по правде, что я мог сказать? Бывают моменты, когда, кроме глаз и сердца, губы бессильны, слова пустеют, собственно, как и сами глаза. Дождь на душе, а за окном – солнце...

– Я надеюсь, ты это серьезно, потому что снаружи ты эту дверь больше не откроешь, закрыв ее однажды за собой, – улыбаясь, сказал я после длительной паузы. В своей улыбке я проглотил три горьких кома, в своих словах я не нашел решительности.

В ответ она промолчала, не сказав ни слова.

Наутро, как она и обещала, я проснулся один в своей белой майке...»

Вставать с кровати Роза даже и не думала, хотя на часах уже было без десяти два, и укуталась потеплее. Ее мучил вопрос: закурить прямо в постели или выйти на кухню и заварить чашечку горячего кофе? Последняя мысль ее резко взбодрила, и она, застегнув лифчик, направилась в кухню. Сонная, с нелепой прической на голове, Роза была больше похожа на кактус, что стоял у нее на подоконнике. Достав из пачки две сигареты, одну она положила как закладку между страниц, а вторую закурила. Приоткрыв немного окно, она достала пепельницу из верхней тумбочки и положила на стол. Загудел чайник. На кухне было прохладно, и она надела свой белый халат. Налив себе кофе и усевшись поудобнее на стул, Роза вновь погрузилась в книгу.

«Ненавидел ли я ее? Нет. Скорее, еще больше был очарован ее решительностью и стойкостью характера. Ну и, конечно же, первым делом я закрыл дверь изнутри. Слово за слово. Если бы даже она вернулась, в чем я сильно сомневаюсь, я бы ее все равно не впустил. Итак, что мы имеем, кроме убитых нервных клеток и двухдневной щетины? Белый бюстгальтер третьего размера, хотя природа явно наградила ее вторым. В ванной все ее вещи так и оставались на своих местах. Даже свои кремы особого назначения – для разных зон, как она мне объясняла – оставила. Я уже подумал, что она с ума сошла, оставив мне все эти «драгоценности». И как я без них раньше обходился? Аккуратно сложив все ее вещи в самое надежное для них место – мусорный пакет, я вынес их в мусорный бак на улице. И неожиданно заметил пропажу. Перстень. Я носил его на среднем пальце, не снимая с тех пор, как мне его подарили. Черт возьми, она забрала мой перстень! О, как я был взбешен! В голове моей родилось сразу два вопроса. Первый: каким образом она смогла его снять, чтобы я не почувствовал? Это же почти нереально. И второй: где теперь мне искать это восьмое чудо света?

Главная проблема мужчины – это женщина. А когда она еще и умная – это уже его беда...

Спустя несколько дней. «Гости»

Обычное утро, самые обычные сигаретные затяжки на фоне автомобилей и утренней суеты. На балконе прохладно и немного сыро. Ветрено. Надев свитер, я отправился готовить завтрак. Крепкий чай и яичница с беконом – вот утренние блюда моего меню. Приготовив завтрак, я стал искать соль, чтобы досолить яичницу. Как только я взял

щепотку соли, раздался звонок в дверь.

Посмотрев в глазок, я не увидел никого на лестничной клетке. Возможно, детишки из соседних квартир балуются, такое явление встречается нередко. Особенно когда напротив твоей квартиры живет семья с тремя детьми. И как они только не посходили с ума в своей маленькой двушке? Ну ладно, это уже их проблемы, а у меня завтрак стынет. Только я отошел от двери на два шага, как раздался еще один звонок. Ну, ребята, сейчас я с вами проведу воспитательную беседу! Открыл дверь, и прямо с порога – удар в нос! Такого поворота я не ожидал и, само собой, не был готов. Теплая кровь потекла к губам... Передо мной стояли двое мужчин тридцати-тридцати пяти лет, почти моего роста – пожалуй, это было моим главным преимуществом. Тот, что разбил мне нос, был слева, и первым делом ему я швырнул всю щепотку соли в глаза. Пока первый вопил и протирал слезившиеся глаза, второй направился ко мне, но не успел сделать и шага, как я ударил ногой в его коленную чашечку, а затем, сделав шаг вперед, крепко приложил в солнечное сплетение. Первый отделался легким ударом в печень. Не нужно быть мастером боевых искусств, чтобы знать самые болезненные точки на теле человека. Вытолкнув за порог этих несчастных, я пошел искать лед, чтобы остановить кровотечение. Я ждал чего угодно после: звонков и громкого стука в дверь, матерных слов, но только не тишины. А это меня больше всего и пугало. Тишина... Когда я посмотрел в глазок, их уже не было, но плохое предчувствие не оставляло меня ни на минуту. Выбросив свою недосоленную яичницу в мусорную корзину, я сидел и думал, кому же я успел перейти дорогу.

Вечер того же дня. 22:45

В этот день я решил лечь пораньше, чтобы хорошо выспаться и бодрым пойти на работу. Ровно в десять я, выключив свет, отключил и себя, но, как оказалось, ненадолго... Звонок в дверь. Проснувшись, я не сразу понял, в чем дело, но настойчивые звуки звонка привели меня в чувство. Первая моя мысль: те двое отморозков вернулись обратно, прихватив с собой еще пару человек для компании, и поэтому торопиться к двери я не стал. Овладел ли мной страх или это пальцы ног начали мерзнуть под одеялом, я так и не понял. Звонки прекратились, но чувство беды не покидало меня ни на минуту. Мое дурное предчувствие, как оказалось, было не напрасным: больше никто не звонил, но начали стучать в дверь. Громко стучать. Ничего, в этот раз я уже был готов. Прихватив с собой травматический пистолет с верхней полки шкафа, пылившийся там

уже больше трех лет, я прекрасно осознавал, что магазин в нем пуст и пользы от него, как от детского автомата, вот только им это знать ни к чему. В глазок я смотреть не стал. Резко открыв дверь, я отошел на два шага назад, чтобы держать под прицелом всю лестничную площадку. Я ожидал там увидеть кого угодно, но только не ее. Опустив пистолет и быстро спрятав его за спину, я начал прокручивать в голове нелепые объяснения тому, что ей пришлось увидеть. Как щелчок в голове: кому и что я должен объяснять? Человеку, который мало того что сбежал три дня назад, так еще и забрал мой перстень! Самую бесценную и дорогую для меня вещь.

– Это что сейчас было? – находясь в шоковом состоянии, спросила она.

Я проигнорировал ее вопрос, так как волновал меня вопрос куда важнее.

– Где мой перстень?

– Он у меня, и будет до того времени, пока ты не засунешь свое эго в одно место и будешь думать не только о себе, – заявила она со злостью.

Смех... Простите, мне стало настолько смешно от ее слов, что даже слезы наворачивались на глаза. Если этот человек не ошибся адресом и из глубины души произнес эту воспламеняющую сердце речь, от которой я даже пустил скупую мужскую слезу, то талант ее пропадает зря.

– Отдай мою вещь и скатертью тебе дорога, бриллиантовая моя, – немного успокоившись, ответил ей я.

Удар коленом в пах. Невыносимая боль... Оттолкнув меня, она направилась в спальню, не закрыв за собой дверь. Минуты две мне казалось, что там было все разбито. Раздавлено всмятку. Я продолжал смеяться, только уже намного громче...

Что значил ее поздний визит и, что ей от меня нужно, я тогда выяснять не стал. Спрятав пистолет в шкаф, я умылся и уснул на диване в гостиной. Утром все выяснится. Но то, что эта женщина куда опаснее тех двух отморожков, я был уверен на все свои целых два...

– Прости, я не сильно вчера ударила? – с сожалением тихо спросила она.

Я слышал, как она подошла, но сделал вид, что еще сплю. Мало ли, что ей стукнет в голову на этот раз? А уж эти ее «стуки» могут довести если не до инфаркта, так до инвалидной коляски. Еще этот голос... Либо она хорошая актриса, либо я схожу с ума. Еще вчера в ней было столько злости, агрессии, а сегодня это невинное хрупкое создание просит

прощения за то, что чуть не лишила меня будущих наследников. Так нежно и тихо, с нотками сожаления.

– Терпимо, – повернувшись к ней, ответил я.

Она улыбнулась и поцеловала меня в лоб, а затем, глядя мне в глаза, начала водить пальцами по щекам. Неописуемо приятное ощущение... Мурашки пробежали под кожей. Так тонко и нежно ее пальцы как струны пробуждали во мне нереально прекрасную мелодию тела. Состояние блаженства... Закрыв тяжелые веки, я уснул.

Лиана... Ее настоящее имя. Какого она была роста? Смотря в какой обуви она была. Иногда на своих каблуках она становилась выше меня на полголовы, а дома, в одних тапочках – на полголовы ниже. Она была действительно хрупкой, хоть часто раздражалась, когда весы показывали то пятьдесят один, то пятьдесят один с половиной. И всегда убеждала меня в том, что это весы у меня неправильные, так как она весила сорок девять. Она была права, абсолютно. Вот только я думаю, ей этого знать не стоило. Я специально их подкручивал, чтобы ее позлить, мне это безумно нравилось. У нее были темные волосы, как и глаза, а мысли – еще темнее. Она была непредсказуемая, наверное, поэтому я с каждым днем очаровывался ею все больше и глубже...»

Кофейня, как обычно, была пуста, и, наверное, глупо в очередной раз винить в этом кофе. Ровно четыре показывали стрелки настенных часов, равно как и Роза впервые не опоздала на четыре дня. Она читала книгу за своим столиком, а он читал ее... Предсказуемую и слегка банальную, но до горя печальную – книгу. То, что она не под села к нему с единственным вопросом, значило лишь одно: вопросов будет много. Вот только кому на них отвечать, как не ей самой?

Здесь не было мест для счастливых, наполненных жизнью людей. Здешний кофе не имел вкуса и запаха, а дверь открывалась только для того, чтобы закрыться. Гости приходили, а персонал из одного человека приветливо их обслуживал, затем гости покидали эти стены и оставались мы. Единственные и постоянные... Возможно, из-за этого кофейня еще не разорилась, и на ее месте не построили какой-нибудь дешевый ресторан с дорогими картинами и безвкусными обоями. Быть может, так, а возможно, и нет.

– Здравствуй, Роза, – тихо и утомленно сказал он, подойдя к ней.

– Здравствуй, – отложив книгу в сторону, ответила она, проводив его взглядом.

Присев на свободный стул напротив нее, он достал свои сигареты и положил на стол. Игра взглядов... Кто первый отведет глаза? Он слегка наклонил голову, чтобы вызвать еще больший интерес, и главное – преимущество. Так по-детски вели себя двое взрослых людей, заглядывая глубже и сильнее только для того, чтобы после отвести глаза. Это можно было смело назвать флиртом, если бы до этого они не были знакомы. Она проверяла его на прочность, а он, в свою очередь, заглядывал в нее полностью, пока она была так увлечена игрой. Тело Розы невольно начало выдавать себя уже на двадцатой секунде. Расширенные зрачки, прикусывание нижней губы... На тридцатой секунде она выпрямила спину, ни на миг не отводя от него глаз. Прелестная картина. Он, улыбаясь, смотрел на нее. Она отвечала ему взаимностью, выдавая себя каждым своим движением и не замечая этого. На первой минуте она положила ногу на ногу, и на этом можно было смело ставить точку в этой игре. Роза проиграла... Она была так заиклена на его взгляде, что не замечала самых элементарных жестов, что выдавало ее тело. Это можно было назвать языком тела женщины, но он предпочитал называть это страстью... Без слов, без касаний, увлеченно и импульсивно, интуитивно и полностью ныряя в самые глубины...

– У тебя давно не было мужчины? – уверенно спросил ее он.

Она отвела глаза в сторону сразу же после его вопроса. Возможно, думала, что ему ответить, но, скорее, этим она уже дала ответ.

– Ты не похож на человека, которому я смогла бы ответить на этот вопрос, – после недолгих раздумий заявила она.

– Как горько... Но ты ведь тоже не похожа на женщину, которая с утра ввела себе в вену пару кубиков разбавленного одиночества.

Ее зрачки расширились. Проглотив твердый ком, она посмотрела на него с неописуемым волнением, ее губы задрожали, не в силах выдать из себя даже слово. Она замолчала. Как он это узнал? Это было единственным ее немым вопросом.

– Я наблюдал за тобой больше двух месяцев, Роза. Первый раз, когда я к тебе подошел, меня интересовала не твоя книга, и та книга, что ты читаешь сейчас, была только предлогом... Ты меня подпустила к себе ближе, чтобы я смог развеять свои опасения. Увы, но они только подтвердились. Когда ты спросила, почему я назвал тебя Розой, ты так увлеклась смыслом моих слов, что даже не заметила, как я гладил твою руку и как медленно закатывал рукав все выше. Ты была так подавлена, лежа у меня на плече, что даже не смогла бы подумать, насколько был подавлен я, утешая тебя в те горькие минуты.

Когда он закончил, она безумно захотела курить, но он подвинул пачку ее сигарет к себе и дал понять, что ждет от нее не дыма, а слов, которые могли бы привести его к причине. Ответить ей было нечего. Более того, она даже не смогла выдержать его взгляд и попыталась встать, но он ей этого не позволил.

– Роза, с каждым днем ты вянешь, и, как бы глупо это ни звучало, я очень сожалею, что не в переносном смысле этого слова, – обреченно сказал он.

– Я ведь тебе не нужна, я это знаю... Зачем ты тогда все это говоришь? Зачем пытаешься спасти человека, который тебе безразличен? Изображаешь сочувствие? Мне это не нужно, – мягко и тихо сказала она.

– Я пытаюсь спасти себя.

Он опустил глаза и смотрел на пальцы, на ее тонкие и маленькие пальцы. Что он в тот момент видел? Возможно, только пальцы, а может, он смотрел мимо них.

– У тебя есть мечта, Роза?

– Да, есть...

– Расскажи мне о ней, – с интересом в глазах попросил он ее.

– Я бы хотела уехать из этого города, покинуть эту страну и оставить все. Просыпаться утром в маленькой квартирке с открытым окном и видом на море. Чтобы мои часы остановились раз и навсегда, и я не могла следить за временем – только шум моря и дыхание любимого человека. Я хотела бы не знать, какой сегодня день, выбросив календарь. Смотреть на восходящее солнце, сидя на прохладном песке, и знать, что он вернется и принесет мне теплый плед. Я бы хотела отказаться от кофе и пить поутру свежий апельсиновый сок, который он приносил бы мне в постель. Жить вдали от прошлого, а в закате видеть будущее. Отказаться от сигарет и быть совсем не идеальной, не накрашенной и сонной и, уткнувшись в его плечо, чувствовать себя любимой, чувствовать, что я ему нужна. И ужин каждый вечер пусть стынет, только бы он не остывал. Разве это так много?

Она смотрела ему в глаза, а сама находилась в том месте... Роза задержала дыхание от эмоций, которые охватили ее сердце и согревали холодные пальцы. Ей было горько возвращаться снова в эту кофейню и разделять свое одиночество с человеком, даже имени которого она не знает, с человеком, о котором ей не известно ничего. Только одиночество... Оно сильно сближает однажды утонувших в нем людей.

– Твоя мечта так похожа на мою, ты даже представить не можешь, насколько! Только стрелки часов я бы хотел завести, те стрелки неидущих часов... – горько ответил ей он.

Тишина... Она не желала продолжать разговор и, подкурив сигарету, вновь погрузилась в страницы любимой книги. Именно любимой: в главной героине она порой узнавала себя, а в некоторых ситуациях – отголоски прошлого. Роза представляла себя днем героиней, а ночью у зеркала пускала в себя героин. Доза за дозой... Ей казалось, что все это большой театр или просто маленький сон.

«...Так странно, еще месяц назад я смотрел в парке на голубое небо, на белых голубей и хмурых прохожих. А в зеленых аллеях я не видел ничего, как и в зеленых глазах или в карих. Серый мир и голубое небо – а каким ему быть, когда художник забыл свои краски дома или вовсе потерял свой дар?

Смотреть или видеть? Я предпочитал смотреть. Слушать. Вникать... Но при этом закрывая глаза и уши, чтобы не слышать и не видеть. Голос, мысли, недосказанность. Мне всегда было что сказать, вот только меня все равно не услышали бы. Только белые голуби. Как и люди, они видели во мне черного.

Одиночество... А разве может быть одиноким человек, который никогда не любил? Не познав радости глаз чужих и влажность своих. Не дышал чем-то большим, чем просто воздух, и не задыхался от чего-то, что намного смертельнее дыма... Разве может тот, кто никогда не ждал человека, того человека, что больше всего на свете не хотел опоздать, быть одиноким? А под ливнем, не закрыв своим зонтом никого, кроме себя, разве может? Наверное, только промокнуть...

– Почему ты не уходишь? – этот вопрос я задавал ей каждую ночь, когда она спала и меня не слышала.

Три часа ночи. Бессонница... Мне было о чем подумать ночью. Всегда. Я вспоминал детство и юность. Каким я был и каким представлял себя в будущем. В том будущем, что сейчас называл настоящим. Я стал им. Тем человеком, которого видел детскими глазами. Вот только краски не те: ведь в детстве все было цветным, а не черно-белым.

– А ты бы меня отпустил? – неожиданно спросила она.

Она не спала, видимо, бессонница и ее потревожила этой ночью. Повернувшись ко мне, она ждала ответа на вопрос. Если я отвечу «нет», она поймет, что я в ней нуждаюсь. Если отвечу «да», то все наоборот: она мне не нужна. Сказать правду я не мог, точнее, не мог себе этого позволить. Закрыв глаза, я дал ей понять, что ответить мне нечего.

– Когда я сломала каблук, я не просила у тебя помощи. Ты сам взял меня на руки и понес, даже не спросив, куда. Это был поступок, – после минутного молчания сказала она.

– А что мне оставалось делать? У тебя тогда было такое выражение лица, будто начались схватки, – улыбнулся я.

Она улыбнулась в ответ, после чего прижала меня к себе так, будто пыталась задушить. Нет, это всего лишь шутка. Она обняла меня очень крепко, вот только я не видел, как за моей спиной капали слезы...

Когда я уходил на работу, она гладила мою белую рубашку, а я гладил ее плечи. Такие нежные плечи, что даже руки, скользящие по ним, становились грубыми. Она застегивала пуговицы до последней, а после умело завязывала мне галстук. Я был красив как никогда, ведь лучший комплимент для мужчины – это его женщина. И я смотрел на себя в зеркало, зная, что совсем не изменился, но в ее глазах я менялся: не в днях и не в подаренных красных розах, а в каждом моменте и взгляде. В каждой минуте, когда так не хотел уходить и оставлять ее одну.

Я брился раз в три дня и каждые два из них я оставлял на ее щеках и подбородке следы от своей щетины, а она каждый раз наносила на эти места крем, чтобы я ничего не заметил. Все дело в коже, она у нее была очень нежной, чувствительной... О, нет... Нет! Кого я обманываю? Ведь дело было в ней. Она смирилась с моими привычками или просто боялась не смириться с тем, что целовал бы я ее только после бритья.

Возможно, тогда я был самым счастливым человеком на земле.

Другой вопрос – знал ли я об этом?

Спустя месяц. «Знакомство с отцом»

Она уехала в другой город на неделю, оставив меня одного. Да, честно признаться, мне ее не хватало. И завтрак был безвкусным, приготовленным без души, не так, как обычно, и суп вечерний действительно был постным. Казалось, всего месяц прошел, а ощущения были, будто прожил с ней годы. Ну, и с кем мне делить одеяло ночью? Она постоянно стягивала на себя большую часть, оставляя мне самые края. Конечно, можно было взять еще одно одеяло или купить большое. Но зачем? Меня это устраивало. В этом был определенный вкус. Нет, не из-за того, что иногда приходилось мерзнуть, скорее, это был лишний повод прижаться к ней.

О, да, этот день я никогда не забуду, если смогу, конечно, все вспомнить. Когда мне позвонили в дверь, уже было около девяти вечера. Я

открыл дверь и получил глухой удар по голове. Больше ничего не помню...

Привела меня в сознание кружка ледяной воды, выплеснутая прямо в лицо. Я не понимал, что происходит. Невыносимо болела голова и в глазах начало двоиться. Что случилось? Какого черта я лежу на холодном полу, и что это за люди, стоящие вокруг меня?

– Вставай, – угрожающим тоном произнес тот, что стоял слева.

Да, сейчас! Прямо вот встану. Это каким же идиотом нужно быть, чтобы угрожать человеку, лежащему на полу с перебитыми ребрами и разбитой головой? Поняв, что вставать я не собираюсь – точнее, это было выше моих сил в данный момент – двое стоявших рядом взяли меня за руки и поставили на ноги, по-прежнему продолжая крепко держать. Я понемногу приходил в себя; в любом случае, в глазах уже не двоилось. Четыре человека стояли передо мной и двое держали, чтобы я не упал. Всмотревшись в их лица, я понял, что тот, что по центру – толстый и самый старший из них – был главным. Вот с ним теперь и придется выяснять, каким ветром, точнее, ураганом его занесло в мою квартиру. Я раньше его никогда не видел, да и еще сто лет не видел бы: с такой физиономией и формами дома нужно сидеть, а не людей пугать.

– Помял ты моих ребят в прошлый раз, – спокойным тоном начал он. Затем добавил: – А по виду и не скажешь. Спортсмен? – с насмешкой спросил он.

– В сравнении с твоими формами – мастер всех видов спорта, – улыбнулся я.

Удар в печень. Да, сил он не пожалел... удивительно, как я не выплюнул все свои внутренности. Ужасная боль, слезы наворачивались сами по себе, как бы я ни пытался их сдержать. В ответ я еще шире улыбнулся и начал смеяться, тихо смеяться, но со всей души, немного при этом хрипя. Те двое прижали меня покрепче: стоять на ногах становилось просто невозможно.

– Ну что, шутник, будем и дальше шутить? Как я вижу, тебе это нравится, – с довольной улыбкой спросил он.

Тяжело было дышать, а говорить еще тяжелее. Я стоял как в тумане, все вокруг было размыто. Нужно навести резкость... Я закрыл глаза, а затем резко открыл их – немного помогло, в любом случае, лицо стоящего передо мной разглядеть я смог. Как я уже понял, врачи мне вряд ли помогут после еще одной такой шутки, и поэтому я медленно стал убирать улыбку с лица.

– Кто ты... и что тебе от меня нужно? – спросил его я, заглянув ему в глаза.

– Мне от тебя? – начал он с нелепой улыбкой, затем его лицо стало более серьезным: – Еще хоть раз я увижу свою дочь в этой помойке, рядом с тобой... и в следующий раз она увидит тебя в морге! – со злостью и ненавистью выплюнул он.

Так вот значит в чем дело... Ну не мог я не улыбнуться после его слов. Честно, не мог. Им бы гастроли давать по стране: внешности этих ребят любой клоун позавидует. Теперь понятно, в кого она такой ангел. Да, конечно, не были они похожи как две капли воды, а вот характером ее Бог наделил отцовским. Ну и дела! Как говорится, яблоко от яблони... Сквозь невыносимую боль и звон в ушах я смеялся. Что мне еще оставалось делать? Представляете, как это было забавно!

– Да, вот только штаны схожу поменяю, – бросил я ему в ответ.

– Я тебя предупредил, щенок!

Это было последнее, что я услышал в ту ночь. Били сильно, ногами, я закрывал обеими руками только голову. Щелчок... Больше я ничего не помню – что было дальше, когда они ушли, и что они еще со мной делали. Совсем ничего. Пустота...

Очнулся я на том же полу, но был не в силах подняться. Прележал я так больше суток, как выяснилось позже. Да, мне бы только кого-то позвать, чтобы вызвали скорую. Не в силах даже пошевелить руками, я попытался встать. Щелчок. Пустота...

Открыв глаза, я не сразу понял, где нахожусь. Лежал я на твердой кровати, закутанный с ног и до пояса в одеяло. На голове что-то было надето, и ужасно болела спина и бок. Спустя минуту я сообразил, что нахожусь в больничной палате. Как я здесь оказался? Этот вопрос меня беспокоил сейчас больше всего. Приятное расслабление исходило от правой руки и по всему телу. Я лежал под капельницей. Что происходит? Сколько я здесь нахожусь? Вопросов становилось все больше, а сил все меньше и меньше. Закрыв глаза, я уснул.

– Вы меня слышите?

Очень медленно открыв глаза, я не сразу разглядел врача в белом халате, стоявшего напротив меня, но постепенно картина становилась четче. Молодой врач, моих лет, может, немного старше. Первым делом нужно спросить, как я здесь оказался и что со мной.

– Что мне так давит на голову? – неожиданно для себя спросил я.

– У вас перебинтована голова, – ответил он.

– Снимите с меня эту чертовую повязку! И так ничего не соображаю,

а тут еще и она давит, – со злостью отрезал я.

Он посмотрел на меня, а затем подошел к капельнице и что-то с ней сделал, после чего меня снова потянуло в сон.

– Отдыхайте, сейчас вам нужен отдых...

Последнее, что я услышал – как захлопнулась дверь. После чего наступил очередной провал.

Спустя два дня я начал себя чувствовать гораздо лучше, и веки были не такими уже тяжелыми. Вряд ли я сумел бы встать, но пошевелить руками я мог. Вокруг меня ходила молодая медсестра и ставила мне новый катетер.

– Как я здесь оказался? – спросил ее я.

– Вас привезла девушка и навещала каждый день, пока вы спали. Она представилась вашей женой.

Теперь все ясно. Но вопросов оставалось все больше и больше.

– Скажите, почему я нахожусь в отдельной палате, а не с остальными пациентами?

– Ваше лечение оплачено, и у вас особый случай. Я многого не знаю, спросите лучше у вашего врача, – ответила она так, чтобы я сразу понял, что продолжать разговор бессмысленно.

Очень мило. Отдельная палата. Особый случай. Это, наверное, такой намек, что и похороны мои тоже уже проплачены, и гроб у меня будет особый...

– Позовите врача, – попросил я ее, после чего она вышла из палаты.

Пока я ждал врача, заметил на тумбочке ключи от квартиры. Две связки ключей – ее и мои. Вот значит как. А я-то думал... Собственно, чем я вообще думал? Конечно, сбежать всегда легче, чем остаться и решить проблему. Лечение у меня оплачено... Спасибо за заботу, таких подарков мне еще никто не делал. Да, такого исхода я никак не ожидал. Ну, что ж, скатертью дорога, бриллиантовая моя!

– Здравствуйте. Как ваше самочувствие? – спросил врач, зашедший в палату.

Как мое самочувствие? Да лучше некуда, хоть сейчас на танцы, вот только тапочки переодену... Что за глупые вопросы? Разве не видно, что лежу здесь как последний доходяга, с перебинтованной головой и перебитыми ребрами? Как я себя могу чувствовать?

– Терпимо. Почему я нахожусь в отдельной палате? – риторический вопрос, но все же спросил.

– Вы знаете, ваш случай...

– Не продолжайте! Та девушка, что привезла меня, ничего не оставила, кроме связки ключей, что лежат на тумбочке?

– Нет, но она приходит каждый вечер, когда вы засыпаете, и сидит возле вас, – ответил он.

Приходит каждый вечер, когда я сплю. Интересно. Никогда бы не подумал, что инвалиды привлекают женщин. Ах, да, у меня же особый случай. Подождем до вечера, хочу взглянуть в эти невинные глаза, наполненные горем и скорбью.

Доктор оказался прав. Съев ужин, точнее, то, что они называют этим словом, я лежал с закрытыми глазами и ждал ее. Время тянулось невыносимо долго, а сердце стучало все быстрее. Я нервничал: не знаю, почему, но мне было не по себе. Она будет смотреть на меня, а я буду делать вид, что сплю. Глупо. Почему я боюсь посмотреть ей в глаза? Ничего не понимаю. Что со мной происходит? Чем я так взволнован?

Открылась дверь, я затаил дыхание и постарался не шевелиться. Она подошла ко мне и поцеловала в лоб... Холодные губы. Учащенное дыхание. Я понимал, что ей плохо, но что мне делать, я не знал. Присев на стул, стоящий возле кровати, она взяла мою руку и начала гладить, что-то тихо повторяя. Я не мог разобрать ее слов, но от этого всего мне становилось еще хуже. Моя рука задрожала, и я открыл глаза...»

– Простите, что вас беспокою, но мы уже закрываемся!

Не поверив своим ушам, Роза взглянула на часы. 22:57. Как? Целый вечер просидела здесь? Она находилась в полном недоумении. За окном было темно, только свет фонарей и проезжающих мимо автомобилей. И правильно будет сказать, что она потерялась в страницах книги, а вовсе не во времени.

Холодный ветер сопровождал ее до самого дома, а она все выше натягивала воротник пальто. Даже прикурить она не могла: ветер будто смеялся над ней и делал все, чтобы ее настроение зависело от него. Так и было. Но не успел он показать себя во всей красе, как она открыла дверь подъезда. Начался сильный дождь.

Сидя в спальне на кровати и глядя в окно, она поняла, что ей не хочется ничего. Капля за каплей стучали в окно. Капля за каплей падали на пол. Ливень внутри, а снаружи дождь. Она прикрывала рот и закрывала глаза, чтобы не видеть своих слез, горьких слез, что обжигали ее губы. Ей не хватало заботы, внимания и тепла. Роза многое отдала бы, чтобы этой ночью она уснула не одна. Чтобы кто-то прижал ее к себе и не отпускал ни

на секунду. Заварить кофе, а за сигаретой открыть всю себя, чтобы он вошел в нее и больше никогда не выходил. Чтобы слушал, просто выслушал, насколько ей тошно и невыносимо быть сильной, гордой. Одной... Сколько бессонных ночей разделяла с ней подушка – она, возможно, была ее лучшей подругой ночью, а поутру она ее покидала. Ей постоянно не хватало сахара в кофе, ведь она, верно, знала, что кофе, заваренный с заботой, намного слаще и вкуснее, а пить его вдвоем – намного теплее. «Согрей меня этой холодной ночью. Как я устала. А впрочем... Я лягу одна, ты только укрой меня и закрой усталые веки. Я сегодня одна, как и завтра. Навеки...». И только дождь слушал ее немые монологи через стекло. Он был ближе всех, но разве она нуждалась в нем? Возможно, он хотел ей что-то сказать, вот только она ничего не хотела слышать.

«...Если я никогда не боялся жизни, то почему я вдруг должен бояться смерти? Пьеро... Так прозвал себя не я, а мир, в котором остается только смеяться... Комедия? Нет, скорее, драма. Трагедия... Мне не бывает плохо, и досада не мучает меня. А в сером коридоре не стены покрыты мраком, а дорога, ведущая в никуда. Мне не бывает больно, но все чаще мой смех становится громче. Пьеро. Так прозвал себя не я...

Она убеждала меня, что здесь делают самый лучший кофе в городе. Знаете, его вкус был действительно особенным, но не потому, что он был настолько изысканным, а потому, что этот кофе нравился ей. Один стаканчик на двоих. Глоток за глотком. Невероятное чувство близости... Незабываемый вкус. И знаете, я всегда думал, что губами нужно говорить. Но еще ими можно передавать свои чувства... Каждым касанием. С закрытыми глазами и открытыми объятьями. Передавать все то, что не имеет подходящих слов. Я всегда думал, что перед сном глаза нужно закрывать. И не знал, что в эти минуты я бы многое отдал, чтобы больше их не открывать. Даже время переставало дышать...

Сколько всего я мог сказать... Но я считал это постыдным, ведь мужчина должен выражать свои чувства не языком, а букетом, и заворачивать в красивый подарок. Двадцать девять роз я подарил ей на день рождения. Двадцать девять синих роз. Она была так рада, что мы еще неделю после этого не могли застелить постель. Двадцать девять... Знаете, я бы все-таки сказал... мне всегда было что сказать. Мне нравились ее глаза, ведь я никогда не видел в них своего отражения. Эти карие глаза

были самыми светлыми в моей жизни. Я всегда видел в людях плохое только потому, что смотрел в них, как в зеркало. Каждый свой недостаток в другом человеке – как соринка в глазу. А тех немногих, в которых я находил свои достоинства, я уважал больше всех. Зеркало... Я всегда в людях видел зеркало, вот поэтому я так к ним и относился. Человеку порой и рот не нужно было открывать, чтобы я понял, с кем имею дело. Но в ней я не видел своего отражения. Сколько бы раз я в нее ни заглядывал.

Как только я уходил на работу, я представлял, как она лежит в моей синей рубашке и читает свою любимую книгу. Как начинает ждать меня, только вышедшего за порог квартиры, и думать, что приготовить мне на ужин. Я всегда знал, какое у нее настроение, еще на лестничной клетке. Если из квартиры шел вкусный запах, все было в порядке, и после ужина можно было смело ставить очередной рекорд, но когда запах был не особо приятным или вовсе его не было – значит, что-то случилось. Я особо не разбирался в женщинах, но ее я познавал – страница за страницей, день за днем, и больше всего мне не хотелось эту книгу дочитывать до конца. Это только в сериалах любовь начинается с постели и заканчивается уже в другой. В настоящей жизни такого слова не существует, оно теряется в днях и используется как презервативы, которыми мы никогда не пользовались. Пусть она и остается в своих сериалах, а в жизни двоих главное – это понимание. Хотя ее понять было сложно, но я все же пытался, и иногда это даже получалось, но, в основном, мы жили страстью. Такое пошлое слово, но оно действительно было самым подходящим. Как свечи, которые зажигают ночью... Капля за каплей, они догорают и оставляют после себя неприятный дым. И каждый вечер эти свечи нужно зажигать заново, ведь у них есть особенность прогорать...

Когда я впервые тебе изменил, ты запретила к себе прикасаться. Ты пыталась уйти, сбежать от меня, но я тебя не пускал. Била меня в грудь и лицо, когда я тебя крепко сжимал, и называла меня тем, кем я был после этого. Когда ты достала нож, я впервые почувствовал, насколько ты мне нужна и какой я... после этого поступка.

Глядя мне в глаза, она сделала резкое движение. Кровь медленно капала на пол из ее запястья. Как только я сделал шаг, она крикнула: «Не подходи!», затем приставила нож к шее. Я не знал, что делать, мои руки дрожали, а сердце выбивало ребра. Я настолько боялся ее потерять. Она была настроена решительно. Безо всяких сомнений, она была готова

к следующему шагу. Паника, дикий ужас охватили меня. Невнятно, дрожащими губами я выдавил из себя, чтобы она убрала нож, и мы спокойно все обсудили. В ответ я услышал смех, громкий смех... Ее рука ослабела и, выпустив нож из рук, она упала. Подбежав к ней, я начал щупать ее пульс. Она потеряла сознание, но была жива. Представляете? Она была жива! Слезы бежали у меня по лицу. Капля за каплей. Задыхаясь от боли, что обжигала всю мою грудь, я нес ее на руках к кровати. Она была жива...

Путру я ожидал чего угодно, но только не того, что произошло. Она поцеловала меня в лоб и прижала к себе. В эти минуты я осознал, какая я тварь и ничтожество. И любой человек, посмотрев со стороны на эту ситуацию, сказал бы про себя: «Какая же она влюбленная дура!»

– Обними меня, пожалуйста, покрепче, – шепотом попросила она.

После этих слов я понял, что никого в этом мире нет ближе ее. Людей всегда можно кем-то заменить, но ее я больше заменять не хотел никем и никогда. Да, она не была женщиной моей мечты, и отца я ее ненавидел, а за что мне, собственно, его любить? Каждый мой день мог оказаться последним, и это я знал не хуже ее, но меня всегда привлекало лезвие ножа. Особенно его острая грань. Но больше всего меня ранило то, что по этой грани ходила она, без страха в глазах. Вот это действительно было страшнее всего...»

Роза и не заметила, что дождь за окном закончился и восходило солнце. Она никогда не встречала рассвет, как и не любовалась закатом. Не удивительно, что весь ее мир можно было поместить в двухкомнатную квартиру и маленькую книжечку, а затем впустить белую полоску с мягким началом и острым концом. Такой мир не имеет цвета, такой мир не имеет запаха и вкуса. В таком мире люди не живут, а однажды, засыпая ночью, забывают проснуться утром...

Она не осознавала, что ее жизнь наполнена смыслом, как и то, что однажды споткнуться – не повод лежать и винить во всем камень. Роза не понимала, что расцветать нужно не для кого-то, а в первую очередь для себя. Она больше не смотрела в зеркало и не смеялась в приступы паники: мне кажется, она просто забыла, что тусклый цвет лампочки никогда не заменит настоящего солнца.

Он сидел напротив нее, а она пила кофе и смотрела в окно. Пустое

окно, как и люди пустые, машины, сырость, суета. Большой город, в котором легче всего потерять себя. Она думала о том, что если бы хоть один мужчина просто остановил ее и сказал, что она прекрасна, она бы действительно расцвела. Он назвал ее Розой, не почувствовав ее запаха, он был ближе всех – на расстоянии протянутой руки, которой он так и не коснулся. Не услышал. Только сделал сочувствующий вид, что ранило ее еще сильнее. Он не смог в ней увидеть ее... Ту женщину, которую держал бы за руку, гуляя по аллеям парка, и целовал под дождем. Ту, которую провожал бы до дома, а затем оставался на чашечку кофе. Он не увидел в ней ту, которая смогла бы отдать всю свою нежность и любовь безвозвратно, вставать пораньше, чтобы приготовить вкусный завтрак, а затем нагладить его брюки и целый день ждать, отправив его на работу. Почему?

– Роза, ты смогла бы довериться мне? – неожиданно нарушил тишину он.

– Зачем? – пусто и без эмоций спросила она, по-прежнему глядя в окно.

– Мне кажется, я могу тебе помочь, но мне нужно, чтобы ты доверилась мне.

Доверие – это самая хрупкая вещь на свете. Как и сердце женщины... Однажды разбив, ты уже не соберешь его по частям. А собирая осколки, можно только глубже ранить. Так бывает: предают те, что никогда бы не предали. Не возвращаются те, кто однажды дал клятву любить...

– Мне это не нужно, – сухо ответила она.

– А если я смогу сделать счастливыми тридцать три девушки за час, ты согласишься мне?

В ее глазах появился интерес, ведь то, что он сказал, теоретически сделать невозможно. Она была в этом уверена, но то, что ради нее он решил что-то сделать, было действительно приятно. Роза улыбнулась. Что же он все-таки задумал?

– Да, я тебе доверюсь полностью.

– Хорошо. Просто сиди и смотри в окно, – заявил он, второпях надевая свой плащ.

Сказать, что она была заинтригована – это ничего не сказать. Роза с нетерпением ждала вышедшего из кофейни, чтобы увидеть, а главное, понять смысл его слов. При взгляде на него складывалось впечатление серьезного, солидного мужчины, готового отвечать за свои слова и поступки. С каждой минутой Роза с блеском в глазах все больше ждала его по ту сторону окна, чтобы посмотреть, что он задумал.

Прошло минут десять, и за стеклом появился он. За это время она допила свой кофе и выкурила две сигареты. Картина за окном была действительно интересной. Он держал в руках огромный букет длинных красных роз. Подходя к женщине, он дарил ей одну розу, после чего что-то говорил ей на ухо, и она улыбалась. Некоторые даже целовали его в щеку и обнимали с радостью в глазах. Одной девочке он подарил целых три розы, после чего она ему что-то сказала на ушко, а затем он поцеловал ее маленькую ручку. Даже пожилой женщине он с улыбкой вручил цветок... Роза была восхищена. Он ее не обманул: каждая женщина, которой он подарил розу, уходила с улыбкой и радостью в глазах. Как лучик света в темной комнате. Маленькие теплые капельки скользили по ее щеке, и сердце пронизывало необычайное тепло, которое исходило от него. Она была в восторге.

Зайдя в кофейню, он направился к ней, а она тем временем приводила себя в порядок. Поправила волосы, выпрямилась и с улыбкой встретила его.

– Ты меня поразил, – коротко, с восхищением сказала она, а затем добавила: – Ты сказал, тридцать три девушки, а я насчитала тридцать две.

Он загадочно улыбнулся и, достав маленькое зеркальце, поставил его прямо перед ней, чтобы она смогла увидеть свои наполненные восторгом глаза.

– Тридцать три...

Он поднял руки к небу, словно пытаясь до него дотянуться. Глядя вверх, он не чувствовал страха, а прохладный ветер наполнял его легкие свободой... Жизнью. Он стоял на ногах твердо и крепко, и дышал во всю грудь, глядя далеко, туда, где загорались первые звезды. В эти секунды загорался и он.

– Доверься мне, – спокойно сказал он, подавая ей холодную руку.

– Я не смогу, – ответила она дрожащими губами.

Ей было холодно и страшно, и с каждой минутой она все больше понимала, что либо он настолько безумен, либо ему просто нечего терять. Паника овладела Розой, а он по-прежнему держал протянутую руку. Она закрыла глаза и медленно, крепко держа его за руку, залезла к нему.

– Открой глаза, Роза...

– Я не могу. Мне страшно.

Ее коленки задрожали, как и рука, и в какой-то момент ей показалось,

что она стоит на самой грани жизни. Это было чувство невесомости: всего один неверный шаг – и ты падаешь в пропасть, на самое дно бездны, и поэтому Роза боялась открыть глаза. Мурашки пробежали под кожей: дух захватывало настолько, что можно было задохнуться. Открыв глаза, она увидела перед собой неописуемую картину, которую не смогли бы передать никакие краски мира. Так тонко, от кончиков пальцев ноги и до наполненных жизнью зрачков, Роза каждой клеткой ощущала, насколько это прекрасно. Это не ветер дул ей в лицо, а она летела ему навстречу.

– Только не смотри вниз, – улыбаясь и дыша во всю грудь, сказал он.

– У меня есть крылья... Я лечу.

Роза никогда не испытывала подобного чувства, только ночью под иголкой, закатывая глаза, она на время погружалась в подобное состояние. Но в этот раз было все по-настоящему. В этот раз она ощутила себя живой и хотела во все горло закричать, чтобы все ее слышали, чтобы весь мир увидел, насколько она свободна, насколько жива... Лепестками по ветру.

Она закрывала глаза, а затем открывала их снова. Роза больше не боялась и, отпустив его руку, она вдыхала не воздух, а что-то другое, что наполняло ее жизнь смыслом. В этот момент она не думала о том, что будет завтра. Она застыла в этом мгновении, в этой секунде, и ей казалось, что даже время остановилось, чтобы ее подождать.

– Ты это чувствуешь, Роза?

– Да. Каждой своей клеткой...

Уже было за полночь, когда они возвращались с того места, от которого Роза до сих пор не могла отойти. Ей казалось, что часть себя она оставила там, на мосту, ту часть, которую несла тяжелым грузом каждый день у себя за спиной. Они шли молча, и с каждым шагом идти было все легче и приятнее. Свобода быть может только внутри, какой бы ни была клетка снаружи.

– Я не умею плавать, – честно призналась она.

Он посмотрел на нее и улыбнулся. Такое чувство, будто это не было новостью для него, и все это время он прекрасно это знал. Станный и весьма загадочный человек.

– Ты думаешь, я позволил бы тебе утонуть?

Она не знала, что ему ответить, но точно знала, что с ним она в полной безопасности, что бы ни случилось. Роза доверилась ему и, как оказалось, не напрасно. Он держал ее под руку, а ей было неловко от вопроса, который она так хотела ему задать.

– Можно у тебя остаться на ночь?

Он остановился и заглянул ей в глаза. В этот момент ей стало еще больше не по себе. Наверное, зря она затеяла этот разговор.

– Я сам хотел тебе это предложить, – улыбнулся он.

Она обняла его очень крепко, а он гладил ее волосы, будто пропуская между пальцев шелковые пряди. Роза с нетерпением ждала того момента, когда переступит порог его квартиры. Как и чем он живет?

И, возможно, его подушка будет мягче моей...

Сняв пальто, Роза попросила его включить свет – в квартире было темно и прохладно – на что он любезно кивнул, снимая свой плащ. Маленькая студия с белыми стенами и темным потолком. Классический стиль. У него хороший вкус. А кругом...

– Кто она? – с восторгом в глазах спросила она, глядя на портреты.

То, что он был художником и все картины написаны им, было ясно без слов. В каждом рисунке были одни и те же глаза, как и губы. Образы... Одни и те же веки, ресницы и даже волосы до поясницы. В каждом рисунке она... С улыбкой и грустная, одетая на одной, на другой обнаженная... Кто эта женщина? Кто же она?

– Тебе чай или кофе?

– Мне бы немного тебя.

Пока она смотрела картины, он вышел на балкон и закурил. Он не думал, что ей ответить, его беспокоил другой вопрос, более важный в этот момент.

– Ты так и не ответил, – заявила Роза, как только он зашел внутрь.

– Шедевр... – ответил он так, чтобы было понятно, что затрагивать эту тему он не желает.

Роза была не глупой и поняла все без слов. Она теперь понимала, почему он так замкнут и закрыт от людей, ведь в его жизнь однажды вошла та, что так и не покинула его сердце. Эта женщина не смогла покинуть даже стены этой квартиры. Кругом она...

Не так просто забыть человека. Порой намного проще забыть собственное имя. Не так легко перелистнуть старую страницу, когда нет продолжения на новой. Роза понимала его, как никогда в жизни, и больше всего на свете она хотела стать новой страницей для этого безымянного художника, его новой картиной, вдохновением... И кистью, чтобы он нарисовал капельку счастья и каждый день находил эту капельку в ней.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросила она.

– Нас ведь двое, а кровать у меня одна...

Меньше всего она хотела от него секса, лежа у него на груди. Ей было тепло и удобно, а в его молчании она слышала биение сердца. Роза не могла уснуть, ей казалось, что все его картины живые и смотрят на нее. В какой-то момент она даже задержала на одной из них взгляд и в этих темных глазах будто что-то увидела... Под одеялом было тепло, но в эту ночь ее согревало не оно. Так странно: еще вчера она сидела у окна и с каждой каплей за стеклом тонула в своем одиночестве. Если бы она знала, что есть на свете человек, тот человек, на плече которого она уснет, а поутру выпьет с ним кружку крепкого кофе, она бы просто была счастлива. Разве много женщине нужно для счастья? Ложку заботы и внимание до краев. Вот он – истинный запах, а какой у нее вкус...

«... – Ты меня сможешь простить? – отчаянно спросил ее я.

Она молчала, а я прижимал ее к себе сильнее, гладя ее волосы и целуя пальцы. Я был жалок, как последнее... на этой земле. Я предал ее не потому, что хотел этого, а потому, что не хотел больше ее.

– А ты себя простить сможешь, любимый мой?

Внутри все сжалось с такой силой, что я закрыл подушкой лицо, чтобы она не заметила... Не увидела моих глаз.

– Как бы ты ни отрицал, я всегда чувствовала, как я тебе нужна. Представляешь, я и сейчас это чувствую, – улыбнулась она, не пряча своих мокрых глаз. – Я бы все на свете отдала, чтобы ты меня больше не отталкивал. Мне тебя не хватает, ведь ты до сих пор не веришь, что люди способны любить кого-то намного сильнее, чем себя. Что женщины способны жизнь свою отдать за тех, кого они любят. Ты до сих пор не веришь...

Она говорила твердо, несмотря на то, что ее голос был мягким и горьким. Я не видел ее глаз, потому что боялся, что она увидит мои.

– Прости, мой самый родной и желанный! Прости меня за все беды, что принесла в твой дом. Ты изменился... Правда! Я всегда думала, что люди не меняются, но ты мне доказал обратное, сам того не понимая. Ты любишь меня больше, чем себя, эгоист ты мой любимый...

Эти слова она сказала тому, кто изменил ей два дня назад. Тому, кто предал ее всем своим телом. Тому, от кого еще вчера ночью хотела сбежать.

– С чего ты это взяла? – задал я ей вопрос, на который уже знал ответ. Отрицать не стану – этого я набрался у нее.

– Ты помнишь, когда в последний раз покупал что-то для себя? Вся твоя зарплата уходит на новые платья и еду. Когда ты даришь мне подарки, в твоих глазах столько счастья, как у ребенка, которому купили шоколадку.

Я никогда не видела, чтобы человек был настолько счастлив, отдавая и не требуя ничего взамен.

– Это все коньяк. Ты думаешь, я на трезвую голову дарил бы тебе такие подарки? – слегка улыбнулся я.

– Хочу услышать, как ты пошутишь про то, что начал бриться каждый день, – она поддержала меня улыбкой.

Да, вот этого я и ожидал. Тупик. А ведь она в чем-то права: действительно, ради нее я начал бриться каждое утро, хотя она ни разу не упрекнула насчет моей щетины.

– Или, может, объяснишь, почему я днем иногда не могу найти своих ключей, а как возвращаешься ты – они лежат на холодильнике?

– Это забота, и не более того. Еду покупаю я, а сигареты... Это я о тебе так забочусь: курение – очень вредная привычка, – как-то выкрутился я.

– Моя вредная привычка – это ты, а не сигареты, – тяжело вздохнув и обняв меня покрепче, ответила она.

Правильный комплимент для мужчины, как особый рецепт для женщины – повышает потенцию. И это невозможно было тогда не заметить...

В любых отношениях есть грань, которую не следует переступить. Эта грань, когда гордость кричит: «Точка!», а глаза наполнены многоточием. И ты, конечно, понимаешь, что это всего лишь запятая в одной из запятанных страниц, но эта краска высыхает и всегда оставляет после себя след. Неприятный след, по которому всегда находят дорогу обратно. Та же страница, та же точка. Это как трещина, которую невозможно заделать красивыми словами и дорогими духами. Однажды переступив эту грань, остановиться бывает трудно. Но еще труднее осознать, что переступаешь ты не линию, а самого человека. Того человека, что в силах поставить настоящую точку и молча уйти, оставив после себя чистый лист. Такие люди чаще всего уходят навсегда.

...Когда она решила уйти, я собирал ее вещи и думал, какого цвета рубашку мне надеть на работу. Странно, но за завтраком я не почувствовал ничего, абсолютно. Возможно, я плотно поел. А может, просто был уверен, что к вечеру она вернется. За обедом я пролил на себя кофе, оставив большое пятно на своей любимой рубашке. Но это меня не огорчило: напротив, я знал, что когда вернусь домой, она мне его застирает... Когда я открыл дверь, в квартире было темно, а на холодильнике не было ее

ключей. Не было запаха ужина, и кружка недопитого чая так и стояла на своем месте. Еще никогда квартира не была такой пустой. И впервые я задержался на пороге...

Третью ночь я не мог нормально уснуть. Кровать казалась слишком большой и неудобной. Под утро я просыпался от прилива крови и хотел поцелуями разбудить ее, чтобы в очередной раз не выспаться, выдыхая ее вдохи... Я отчаянно водил рукой, пытаюсь нащупать ее плечи. Руки и теплые пальцы. Пустота. И ее подушка была как никогда холодной.

Через неделю я вспомнил о существовании Бога, до которого мне никогда не было дела. Чувствовать дыхание за спиной и каждый день спешить с работы домой – это было так бедно раньше и не имело цены сейчас. В эту минуту. До невыносимости одиночества, страха...

Пятно на рубашке, да и гордость величиной с квартиру принимала размеры пятна. Звонок в дверь. А за дверью она: от банальных фраз и до кофейных глаз – она.

Когда она вернулась, я больше не позволял ей уходить.

Никогда...»

Закрыв книгу, Роза отодвинула ее и стала показывать ему свои фотографии. Впервые за все это время они переступили порог кофейни вместе, и, пожалуй, впервые она не желала заказывать себе кофе. Он смотрел на нее и улыбался, ведь она улыбалась на всех фотографиях, кроме одной...

– Это твой муж? – с наигранным интересом спросил он.

– Да, бывший... Скажи, только честно, по мне видно, что я была замужем? – серьезно глядя ему в глаза, спросила она.

Забавный вопрос. Он знал об этом, когда она впервые нашла дорогу в это проклятое место. В эту кофейню... Она тогда заказала бутылку коньяка и ничего больше. Он наблюдал за ней: с виду могло показаться, что она просто устала от серой жизни и рутинной работы и пришла забыться на дне стакана. Но когда она вернулась на следующий день и заказала себе чашку кофе, это уже была не она, точнее, не та женщина, что заходила вчера. Роза была совсем другая...

– А разве у женщины на лице написано, что она была замужем? – чтобы не соврать, выкрутился он.

На самом деле все так и есть, как бы странно это ни звучало. У женщин все написано на лице, и он, как художник, мог заметить каждую деталь, каждую мелочь, которую не заметил бы другой.

– Чего бы ты сейчас хотела, Роза? – перевел тему он.

– Чтобы ты мне объяснил, почему я до сих пор одинока, – с некой грустью, тихо сказала она.

– Я тебе это покажу.

Они стояли в самом людном месте, возле метро, где каждый человек куда-то спешил. Городская суэта... Люди подстраивались под время, что контролировало каждый их шаг и направления. Ничего особенного, обычный солнечный день, только мало кто был этому рад и замечал, что лучи не просто ослепляют глаза, а придают контраст этому миру. Яркое среди серых людей – разве это не прекрасно? Только не для этого мира и только не для этих людей.

– Ты видишь того высокого парня, что стоит в тени? – спросил ее он.

Она посмотрела в ту сторону. Симпатичный брюнет со светлыми глазами курил и смотрел на небо.

– Да, вижу.

– Что ты можешь о нем сказать?

Станный вопрос, подумала она.

– Красивый мужчина, опрятно одет с чистой обувью и со светлыми глазами. Возможно, женат... нет, точно женат! – уверенно заявила она.

– С чего ты взяла, что он женат?

– Как с чего? Разве может такой мужчина быть одиноким? – удивленно спросила она.

Он улыбнулся, посмотрев на нее, и в этой улыбке, как в зеркале, Роза увидела себя полной дурой. Так интересно: у него никогда не было одной улыбки, каждый раз новая. Станный он человек и весьма загадочный.

– Ты бы хотела его поцеловать? Вот просто подойти и поцеловать?

Роза находилась в недоумении от его вопроса. Конечно, она хотела бы поцеловать этого красавца, но женская солидарность не позволила ей ответить правду.

– Нет. Что за глупый вопрос? – возмутилась она.

– Роза, я, конечно, не психолог и, возможно, не понимаю женщин так, как хотелось бы мне, но то, как ты прикусила верхнюю губу, глядя в его сторону с приоткрытым ртом, говорит мне о многом. Просто подойди и поцелуй его! – твердо закончил он.

Этим словами он поставил ее в неловкое положение, она даже отговорок придумать не смогла. Он очень наблюдателен, даже слишком, и то, что он предложил – это полное безумие, хотя... Почему бы и нет?

– Доверься мне.

Ее руки заметно задрожали, но, высоко подняв голову и выпрямив

плечи, она уверенно направилась к парню. Сердце стучало с огромной силой, адреналин захватывал дух. Она всегда мечтала поцеловать красивого незнакомца, но каждый раз это сильно пугало ее, и она отгоняла дурные мысли. А вдруг он женат? А может, я ему не понравлюсь? Пока она шла, в ее голове рождалось много разных версий и вопросов, но только не было сомнения. Роза вспомнила, как доверилась ему на мосту, и до сих пор была за это благодарна. Он знает, что делает... Развеивая свой страх и опасения, она все же подошла к незнакомцу.

– Вы не подскажете, который час? – спросила она первое, что пришло ей в голову.

Он, посмотрев на часы, коротко ответил:

– Половина второго.

Роза, посмотрев ему в глаза, сделала шаг вперед и поцеловала его прямо в губы. То, что произошло, было просто нереальным, неопишмым, словно сон... Он обнял ее за талию и прижал к себе, как в танце, и, слегка опустив голову, ответил ей взаимностью. Роза закрыла глаза и просто наслаждалась, не думая ни о чем. Ее мысли улетели куда-то далеко, а она застыла в этом незабываемом поцелуе, в этих теплых объятьях, в этом мгновении...

– Мне пора бежать, – отступив в сторону, сказала она.

– А как же...

Она не слышала, что он говорил ей вслед. Она совсем ничего не слышала, она бежала, не глядя под ноги, а за углом споткнулась и упала. Он ждал ее за тем же углом, тот безымянный художник, что вносил в ее жизнь новые краски и неведомые раньше цвета. Подав ей руку, он спросил, не ушиблась ли она, на что она дала отрицательный ответ.

– Все в порядке. Спасибо...

– Пожалуйста, – улыбнулся он.

– Теперь ответь мне на один вопрос: ты знал, что все произойдет именно так, а не иначе?

Роза немного начала отходить от поцелуя. От этого ослепительного безумия... Если бы ей кто-то сказал, она бы ни за что не поверила, что это настолько реально и прекрасно. Такое бывает только в фильмах... Просто непередаваемое чувство.

– Я тебе объясню, – начал он, но Роза его перебила:

– Да или нет? – не отступала она.

– Да, я знал. Не сложно было заметить отсутствие кольца на безымянном пальце, как и то, что он абсолютно никуда не спешит и ни разу не посмотрел на часы. Докурив одну сигарету, он вскоре достал

другую и смотрел в небо. Если бы он кого-то ждал, он бы вел себя совсем по-другому, и я бы это заметил. А то, что он ответит тебе взаимностью, было ясно, как день: ведь ты прекрасна, Роза, и любой на его месте поступил бы так же...

– Продолжай, – с загоревшимися глазами сказала она.

– Дело в том, что ты сама не сделала бы этого из-за одного глупого стереотипа: если мужчина красив и опрятно одет, он, несомненно, занят. Как и мужчина, увидев красивую женщину, никогда к ней не подойдет, потому что думает, что она замужем. Вот почему ты до сих пор одинока, Роза...

Как-то так он и представлял себе ее квартиру. Большая, бежевого цвета обои визуально делали ее еще больше и просторнее. Запах духов в прихожей. Не особо приятный аромат на кухне говорил о том, что там что-то испортилось. Высокие потолки, красивый интерьер... Как оказалось, Роза жила в полном достатке. Было ли это заслугой ее бывшего мужа или ее собственной – трудно сказать, но все же он больше склонялся к первому. Огромная спальня, размером с его собственную студию. Незастеленная постель, белый лифчик на стуле... К его приходу она явно не была готова.

– Извини за беспорядок, я сейчас приберусь, – второпях сказала она.

– Не стоит, – возразил он.

Пока он разливал в бокалы вино, обстановка становилась романтичнее. Тихая классическая музыка, приглушенный свет... Это было их первое свидание. Он сидел в черной наглаженной рубашке, а она в красном платье. Это платье нравилось ему, оно прекрасно сочеталось с цветом помады. Глоток за глотком, вино пьянило Розу, и она становилась более открытой, уверенной в себе. Прекрасной...

– Давай потанцуем, – взяв его за руку, предложила она.

– С удовольствием.

Он держал ее за талию, а она, обхватив руками его шею, смотрела ему в глаза. Они медленно ходили по кругу, без ритма и чувства танца. Роза терлась об его щетину, нежно покусывая подбородок, потом расстегнула верхнюю пуговицу и начала водить рукой по груди, а затем ниже...

– Роза, нет! – застегивая пуговицы, сказал он.

– Что не так? – огорченно воскликнула она.

– Все не так!

Выйдя из гостиной, он немедленно направился в прихожую и,

набросив на себя плащ, хлопнул дверью...

Роза находилась в полном отчаянии. Разбив бокал и сняв с себя это платье, она бросила его под ноги и, открыв бутылку, вылила вино на платье. Сигареты... Она хотела курить и, не глядя под ноги, зацепила пяткой осколок. Босиком она направилась в кухню, достала пачку сигарет из верхнего ящика и, не открывая окно, закурила. Глубокие затяжки, учащенное сердцебиение. Ее рука дрожала, и маленькие капельки с подбородка падали на обложку книги.

«...Тошнота. Первым и неожиданным звоночком нашего счастья была ее тошнота. Частые боли в пояснице и повышенная усталость говорили сами за себя. А еще и задержки... Мы спешно направились в больницу. Доктор подтвердил все симптомы, и тогда мы находились не там, в темных коридорах отделения, а в глазах друг у друга, наполняющихся взаимностью... Тот день был настолько красив, что будь я художником, я сотворил бы шедевр и посвятил его ей. Тот день дышал воздухом будущих вдохов, первых вдохов и открытых миру глаз. Улицы были наполнены яркостью и необычайным светом, даже ночью за окном светили и загорались первые звезды, чтобы подарить этому миру самую яркую звезду.

Колокольчики в детской, бантики и вязаные носочки. С каждым днем наша спальня наполнялась новыми игрушками и ощущениями, горячими поцелуями и теплыми объятьями. Нелепыми капризами и старыми платьями, которые ей больше не подходили.

Я представлял ее матерью... Ведь еще недавно мы лежали одни на этой кровати, и казалось, что вот оно, счастье. Ее глаза, улыбка и даже скользящая по щеке слезинка. Я видел в ней женщину – верную и покорную, неподвластную мне, но преданно-гордую и до горя желанную... Это так непривычно – впервые назвать ее матерью. Это так необычно, ведь отец – тоже не просто слово, мне нужно стать им. Мне нужно быть... Не прятать себя в горьком стакане, когда в пылу ссоры она оттолкнет меня. Крепче держать – я знаю, для нее это огромное испытание. Не отпускать ее руку, разве немного ослабить. С такой, как она, я сильнее, чем есть. Я мужчина. Я справлюсь.

Каждый месяц звенел, как колокольчик, напоминая о том, о чем мы не забывали ни на минуту, ни на мгновение. Когда я смотрел на нее, она все чаще смущалась и говорила о том, что сильно поправилась за эти четыре месяца. Меня это волновало меньше всего на свете. Я всегда поддерживал

ее, не считая это постыдным. В какой-то степени мне самому становилось некомфортно от того, что в ее мыслях темнели такие нелепые версии и догадки, что я могу уйти и бросить ее из-за каких-то лишних килограммов или измученных бессонницей глаз. Больше всего я пытался предотвратить пожар еще до его возгорания, как и сигареты – я прятал их, как прятал и ключи – ей было сложно, я знаю. В такие моменты нет больше слов «я» и «не буду», в эти моменты приходится идти на уступки и поступать правильно, ведь каждая ошибка может оказаться роковой.

Частые перемены настроения, нервные срывы на пустом месте – это было настоящим испытанием не только для нее, но и для меня. Я с улыбкой вспоминал те первые дни, когда она у меня оставалась, и понимал, что те дни по сравнению с этими были еще цветочками. Мне казалось, что я начал сходиться с ума...

Я бросал курить вместе с ней, а до этого она трижды бросала меня, ведь я не позволял ей больше курить. Ни одной сигареты, ни одной затяжки – это было сложно. Когда она крепко засыпала, я бесшумно покидал квартиру и на лестничной клетке выпускал едкие, но до последнего жара желанные клубы дыма. Я выпускал все то, что накопилось за день, и мне становилось легче. Докурив, я бросал в рот целую горсть мятных конфет, а затем принимал душ и чистил зубы, чтобы она не смогла почувствовать запах.

Сложнее всего было смириться с тем, что смириться с собой она не могла. Ее капризы выходили за рамки нормального. Мало того, что на ужин в мою сторону летела посуда, когда я опаздывал с работы, так еще и ножи... Я их выносил из квартиры, а она в слезах сидела на кухне и просила прощения. Говорила, что ничего с собой поделывать не может. Я брал ее за руки и в какой-то момент, стоя на коленях и положив голову на ее колени, я все же понимал, что счастлив. И осознавал, что все это временно. Маленькая черная полосочка, после которой наступит сплошная белая.

Последней каплей моего терпения стало обвинение в измене. Во время стирки грязного белья она нашла пятно от помады на моей белой рубашке. Она кричала и бросала в меня все, что было под рукой, а я молча пошел в гостиную, открыл ее сумочку, взял помаду и принес ее в ванную. Поставив такое же пятно рядом на этой же рубашке, она вдруг все бросила и начала меня целовать, а я ее крепко обнял. Но думал я тогда уже совсем о другом...

Я смотрел на револьвер, купленный три дня назад, весьма тяжелый и неудобный. Но куплен он был не для удобства, а для защиты. Защиты семьи. С таким отцом, как у нее, ожидать можно было чего угодно, тем

более главной угрозой для меня являлся не кто иной, как ее отец. Он никогда не сможет смириться и принять меня. Одно только известие о ее беременности обеспечило мне два похода к стоматологу и один к травматологу, после чего я понял, что придется взять все в свои руки и больше их не опускать, ни перед кем и никогда. Но в этот вечер руки мои были слишком тяжелыми, как никогда в жизни, и я направил ствол прямо в висок... Я смотрел в зеркало и не думал ни о чем. Слишком много всего произошло. Терпению человека рано или поздно приходит конец. Мое терпение было взорвано и разбросано по всей квартире осколками разбитых кружек и сломанных игрушек. Боялся ли я смерти? Только не в этой жизни. И уйти я готов был навсегда и безвозвратно.

Стоп! Как щелчок. А что будет с ней, если меня не станет? Что будет с нашим ребенком, если его отец упадет однажды на пол, чтобы больше никогда не встать? Как она справится сама, если даже со мной ей это удастся с огромным трудом?

Да... В тот день я впервые осознал, что рядом с ней живет вовсе не эгоист, и я почувствовал гордость, посмотрев себе в глаза. Я не сдамся, что бы ни случилось. Я не сдамся, слышишь? Я все выдержу. Я мужчина.

Начало июня, за окном светило яркое солнце, но темные шторы и свет лампочки потушили его, накрыв ее белой простыней. У нее начались схватки, и единственными ее словами тогда были «Не отпускай мою руку». Она кричала и задыхалась, глубоко дыша, а я дышал вместе с ней. Она сжимала мою руку, передавая всю свою боль, и мне казалось тогда, что это я с ней на этом столе рожая. Вокруг мелькали люди в белых халатах. Крики, стоны... Кошмар. Страшный сон. Все как в тумане, я тогда не понимал ничего и ничего не видел. Был ли я в сознании? Только ее рука возвращала меня в эту палату. Каким бы сильным я себя ни считал до этого, то, что я видел, даже в самом ужасном сне я представить не мог. Резкий шум в ушах, в глазах помутнение, ее крики, ее боль... «Очнись, не бросай меня!» Я приходил в себя, а затем снова – головокружение, тошнота... Крики врачей. Моя рука ослабла. Щелчок. Пустота...

– Мужчина, очнитесь! – резкий запах нашатыря привел меня в чувство.

Я лежал на полу, а надо мной наклонился врач, внимательно глядя в мои глаза.

– Я в порядке. Где она? – встав на ноги, спросил я.

– Она в палате, но сейчас ее беспокоить не нужно. Она крепко спит, – ответил врач.

– Дайте мне поддержать моего ребенка, – в слезах от счастья попросил

его я...

С того дня прошло два месяца. Холодный август, неожиданный сезон дождей. Мы сидели с ней в детской и пели колыбельную... Звоночки, маленькая кроватка. Дождь тогда пел свою песню, а мы – свою. И знаете, наша колыбель была как бумажный кораблик. С одной на другую, качая себя на волнах, мы качали кроватку. Маленькую кроватку.

Мы смотрели в окно и не видели ничего, что могло там быть. Сильный дождь, ветер. А может, гроза. Слишком тихо днем, слишком громко ночью... Дочь. Доченька. Цветочек. Маленькая Роза... Слишком тихо: она, наверное, спит и видит голубые тучки или зеленые луга, будто покрытые яркой краской, и бабочки летят ей навстречу. Так тихо, не будите ее... Она видит красивое море, где при луне уплывает закат, а на берегу теплый песок, и, рассыпая его ладошками, она улыбается. Глаза голубые. Прекрасные сны. Так тихо... Так тихо. Она просто спит.

– Нужно поменять воду, – без эмоций, устало сказала она.

– Хорошо, я схожу...

– Нет, сиди. Я сама.

Поменяв воду в вазочке, в которую мы поместили весь свой мир, до последней капли души, мы поставили ее обратно в кроватку и смотрели на свою розу... Розочку. Я по-прежнему напевал, а она осторожно качала. Так тихо. Не будите ее, она просто спит...»

Слезы капали на страницы, а она затягивалась все глубже. Ее рука дрожала, а сердце замирало с каждой строчкой. В квартире уже было светло, но она не хотела ложиться. Сон покинул ее, и даже дотлевающая в руке сигарета была последней в пачке.

«...– Мне нужно уйти, – огорченно сказала она.

– И куда ты пойдешь?

– Не важно, куда. Мне просто нужно уйти...

– Возьми меня с собой, если хочешь сбежать. Ведь куда бы ты ни бежала, далеко не убежишь. Мы вернемся обратно в эту квартиру, и все начнется заново. День за днем... Ночь за ночью. Может, ты знаешь место, которого нет на карте, в котором нет музыки и картин, где можно забыть все, оставить! Если ты знаешь, скажи...

– Тебя тогда не было рядом! Ты отпустил мою руку! Я тебя ненавижу! – в слезах закричала она.

Она била меня в грудь, а я все крепче и сильнее прижимал ее к себе. Я

не знаю, где находится сердце, но я знаю, что без него можно жить. Без него можно дышать и даже любить. Да, любить... Я любил ее, несмотря на то, что она меня ненавидела. Я любил ее, не глядя ей в глаза. Я любил ее, даже когда она этого не видела. Я простил ей ее нелюбовь к себе.

– Возьми меня с собой, если хочешь уйти. Если хочешь сбежать без оглядки – беги!

Что-то громко застучало в моей груди, но это не сердце, оно давно остановилось, как сломанные часы. В один момент и навсегда. Что-то глухо и громко стучало...

– А как же наша маленькая Роза? – с искоркой надежды в глазах спросила она.

– Я пересажу ее в маленький горшочек с землей и буду поливать каждый день. Обещаю.

– Меня ты тоже пересади в тот горшочек... – это были ее последние слова в тот вечер.

Не забрав ничего из своих вещей, она ушла, положив свои ключи на холодильник. В красивом красном платье, которое мы выбирали вместе. С красной помадой на губах, тихо, не сказав даже «прощай», она ушла...

О чем я думал тогда? Мне казалось, она вернется. Я в это верил всей душой, с горящей надеждой. Я ее ждал, качая кроватку и держа в руках куклу, которую она купила на пятом месяце. Я вспоминал ее капризы, как ломал ее сигареты и выбрасывал пачку за пачкой в окно. Как целовал ее животик и как впервые услышал удары... Мне казалось, я тогда плакал, но глаза мои были сухими. Я ждал ее, чтобы назвать мамой. Матерью. Ведь я никогда ее так не называл. Я ждал ее, чтобы сказать, что, кроме нее, у меня нет никого, ради кого мне бы стоило жить, оставаться в этом забытом Богом мире. Я умру в этой проклятой квартире и хочу, чтобы меня положили рядом с дочерью, с нашей маленькой девочкой. Я буду качать ее на руках, петь красивые песни и засыпать вместе с ней. А засыпая меня землей, не нужно слез и воспоминаний, просто закопайте меня поглубже, в моей любимой синей рубашке... И знаешь, я буду рад, если в этот момент я стану для тебя любимым, как раньше...

Она не вернулась ни ночью, ни утром, ни даже спустя неделю. Я, как и обещал, поливал каждый день наш цветочек и разговаривал с ним. Мне было с кем поговорить: она меня слушала внимательно и, казалось, даже отвечала мне, когда бутылка становилась пустой. Роза мне говорила, что ей очень тепло и хорошо в том саду. Что птицы прекрасно поют, и спелые яблоки такие вкусные, и что она хотела бы принести их мне, чтобы я

попробовал их и перестал пить и убивать себя. Она говорила, что плачет, когда я теряю рассудок и разбиваю все вдребезги. А еще она говорила, что держит за руку маму, которая закрывает ей глаза, чтобы она ничего этого не видела. Я, кажется, сошел с ума, а если нет, то нужно бросить пить...

Бутылка за бутылкой, я не помнил, какое сегодня число, и цветочек наш я забыл полить. Что со мной? Где мой револьвер? Мне пора уходить... Меня там ждут. Я достал револьвер, меня качало с одной стороны в другую, я плохо стоял на ногах, но трезво вставлял патроны в барабан. Не успел приставить ствол к виску... Щелчок. Пустота...

Я умер? Где я, и что это за место? Старый кирпичный потолок и дикая вонь, что привела меня в сознание. Я лежал на твердой доске, которая покачивалась, как качели. Я упал с нее, и меня стошнило на холодный бетонный пол. Холод. Очень холодно... Ничего не соображая, я попытался встать. У меня это получилось с трудом. Я находился в темной камере, где вместо двери была решетка. Почему так темно? И как я здесь оказался?

Решетка заскрипела, и грубый мужской голос крикнул: «На выход!»

Выйдя из камеры, я ничего не понимал. Меня поставили к стенке, и, твердо приказав: «Руки за спину», надели наручники. Они впились в запястья с такой силы, что с каждой секундой я убеждался, что чувствую боль, а значит, еще живой. Но что здесь происходит?

Приведя меня к двери прямо по коридору, с меня сняли наручники, и я начал массировать запястья. Нереальное облегчение. Когда я зашел в эту дверь, яркий свет ослепил меня. Я пытался прикрыть глаза рукой и, немного привыкнув к свету, увидел перед собой коренастого мужчину в военной форме, что сидел за столом и смотрел на меня. Уже не было никаких сомнений, где я нахожусь, но другой вопрос: как я сюда попал?

– Присаживайтесь, – вежливо предложил мне он.

– Благодарю, но, как мне кажется, я еще успею насидеться.

– Хорошее у вас чувство юмора, – улыбнулся он.

Да какой тут к черту юмор? Это какое-то недоразумение. Еще вчера я находился у себя в квартире, а сегодня очнулся здесь. Это что чья-то шутка?

– Что случилось? Как и почему я оказался здесь? – без лишних церемоний спросил его я.

Он улыбнулся еще шире, и в его улыбке я не увидел ничего хорошего. Открыв ящик своего стола, он достал мой револьвер в прозрачном пакете и, глядя то на него, то на меня, продержал его в руках минуты две, чтобы я успел его рассмотреть.

– Это ваш револьвер? – спросил он меня. Хотя мне показалось, что это был вовсе не вопрос, нотки вопроса я как-то не расслышал.

Что мне ему ответить? Врать бессмысленно: на револьвере полно моих отпечатков. Хранение оружия без лицензии – это статья, и весьма солидная. В любом случае, влип я по полной.

– Да, он мой.

Положив его обратно в тумбочку, он достал какие-то бумаги и начал что-то писать. В эти минуты я все равно не мог понять, что случилось, кто дал наводку? Неужели это дело рук ее отца? Конечно, больше ведь некому. Вот сволочь!

– Как я понял... – начал я, но он меня перебил:

– Вы обвиняетесь в убийстве вашей жены. Вы подтвердили, что орудие убийства принадлежит вам. Ваши отпечатки, найденные на револьвере, совпадают с отпечатками на теле жертвы. Советую вам найти хорошего адвоката! – процедил он сквозь зубы.

Его слова током прошли по всему телу. Я не помню, что было дальше, и что он еще говорил, я подписывал какие-то бумаги, а после меня завели обратно в камеру. Надеюсь, я умер, потому что если я еще жив, то кому-то придется за это ответить. В моих жилах теперь текла не кровь, а ненависть, которая переполняла меня всего. Воспоминания о ней, горшочек с нашим цветочком, ее последние слова... Я весь дрожал, мои скулы сводило от злости, я разбивал кулаки о стену. Ничто не могло перекрыть эту волну боли, что затопила меня полностью. Я захлебывался в ней, не нуждаясь в воздухе... Только месть и ненависть. Только месть и один единственный вопрос: кто?

Дела мои были плохи, это я хорошо знал и без адвоката. Сгнить в тюрьме – не самый лучший способ умереть, получить пулю в лоб на свободе от ее отца – и того хуже. Уверен, он достанет меня из-за решетки и перегрызет глотку зубами за то, чего я не совершал. У меня не было выбора, а выхода – тем более. Но умирать мне уже не хотелось, я весь был поглощен местью и расплатой за кем-то содеянное. У меня появился стимул жить, но отобрали право на жизнь. Надеюсь, если я и умру, то пусть на пороге нашей квартире меня встретит она с нашей маленькой лялечкой. Эта единственная мысль освобождала меня от страха. От этих цепей и наручников. Что будет дальше, я не знал...

Той ночью я вспоминал, как нес ее на руках в день нашей первой встречи. Она смотрела на меня, а я смотрел прямо, чтобы не споткнуться. Вспоминал, как она переехала ко мне и сбрасывала пепел в мою любимую

кружку, а после сорвала с меня полотенце... Я помню ее запах, ее голос и мои любимые пальцы, которые я постоянно целовал без причины... А разве нужна причина, чтобы поцеловать человека? Чтобы сказать, как нуждаешься в нем, и периодически напоминать об этом? Разве нужна причина, чтобы просто любить? Увы, сказать это ей я не успел...

Четвертую ночь я не спал и винил себя. Зачем я ее тогда отпустил? Если бы я знал... Я бы увез ее на самый край света, ближе к морю и золотому песку, ближе к солнцу и звездам. Это было нашей мечтой. Втроем, и домик у моря...

– На выход. Руки за спину!

Я вновь стоял у этой стены, и направлялись мы по тому же темному коридору, к той же двери.

Зайдя внутрь, я не поверил своим глазам. Ее отец сидел возле офицера и подписывал какие-то бумаги, что-то тихо говоря, чтобы я не мог расслышать. Ну, вот и пришел конец. Я начал про себя читать молитву, забывая строки и слова, но поддерживая ее ритм. Боялся ли я смерти? Только не в этой жизни.

– Присаживайтесь, – сказал мне офицер.

– Я постою, – спокойно ответил я.

– Садись, сынок... Садись.

Меня передернуло. Я не верил своим ушам: он назвал меня сыном, или мне это послышалось? Ничего не понимая, тем не менее, я присел.

– С вас сняты все обвинения. Вы свободны, можете получить свои вещи на посту у дежурного, – заявил офицер.

– Это что, шутка? – не сдержался я, не понимая, как такое возможно.

– Тебе сказали: свободен. Иди, переодевайся и жди меня на улице, – твердо сказал ее отец.

Возражать я не стал и направился к выходу. Получив свои вещи, я стоял и ждал его возле поста. Закурив сигарету, почувствовал необычайное облегчение и мимолетную эйфорию. Свежий воздух, а не тюремная вонь... Я стоял и думал: неужели Господь услышал мои молитвы? Либо их услышал кто-то другой, ведь в моих мыслях не было больше ничего святого.

Я никогда не был в этом доме, точнее сказать, дворце. Он показывал мне ее детские альбомы и комнату, в которой она жила. Когда он оставил меня одного, я слегка наклонился, чтобы сдержать слезы... Везде ее карие глаза. Фото. Портреты. Я смотрел на них и не мог ничего с собой поделать, мою душу разрывало на части, мне хотелось скулить от досады и боли.

– Ничего, сынок, потерпи, – зайдя обратно в комнату, поддержал меня ее отец.

В его руках был коньяк, который стоил примерно как половина моей квартиры. Присев рядом на диван, он обнял меня со всей силы, а я его еще крепче. Я чувствовал его боль каждой клеткой, и от этого становилось еще больнее. Я понимал его, как отца. Еще пару месяцев назад этот человек был для меня самым опасным врагом, а сейчас он называл меня сыном. Как же я его понимаю... и осуждать его за прошлое не имею права. Что может быть страшнее потери дочери? Наверное, только потеря любимой жены...

– Прости меня, если сможешь. Я знаю, ты любил ее, пылинки с нее сдувал. Но ты не имел ничего...

– Я имел все.

– Ни внушеньки долгожданной, ни дочери... У меня нет ничего, кроме денег. Все свое состояние и жизнь я бы отдал сейчас за них... Все до последнего цента и капли крови, – продолжал он, вытирая руками глаза.

– Кто это сделал? – не удержался я.

– Я не хотел вас пугать, когда вы потеряли ребенка, вы и так тогда были... Деньги, эти проклятые бумажки... В общем, всей моей семье тогда угрожала опасность, но пока она была у тебя – я не боялся за ее жизнь. Это я во всем виноват, из-за меня она умерла. Я не учел того, что она уйдет от тебя, и это было моей роковой ошибкой. Все обставили так, что убийцей оказался ты. Но я единственный знал, кто за всем стоит...

– Кто это сделал? – повторил я.

– Заказчик в земле. Поверь, эту тварь по кусочкам...

– Кто исполнитель? – перебил его я.

– Сынок, послушай, тот, кто убил мою дочь, отправился следом за ней. А киллера даже я с моими связями не смог достать. Это одноразовая перчатка, которую после того, как дело сделано, выбрасывают. Даже если его и можно найти, то не следует принимать его за убийцу. Ты меня понимаешь?

– Нет, – отрезал я. – Не понимаю! Убийца на свободе, и его нужно найти! Как вы не можете это понять?

Тяжело вздохнув, он плеснул свой дорогой коньяк мне в стакан, а затем и себе...

Я уже не помню, когда в последний раз спал. Знаете, я не пью уже второй месяц, но каждую ночь слышу детский плач и ее голос. Она касается моей спины, это ее пальцы, я никогда не спутаю их с другими. Тонкие и нежные пальцы. Она гладит мне волосы... Я даже слышу шаги.

Колокольчики на детской кроватке звенят время от времени. Кажется, я начинаю сходить с ума...

Заходя в квартиру, я постоянно чувствую запах ее духов, даже зубные щетки поутру стоят так, как всегда ставила она. Вот только две розы в одном горшочке расцветают с каждым днем, а ночью они плачут. Вы не поверите, но каждое утро я вытираю с них, будто капли росы, горькие слезы... Я никогда не забываю их поливать, а когда смотрю на них вечером, мне даже кажется, что они умеют дышать. Я это слышу...

Рисовать... У меня появился дар, о котором раньше я и подумать не мог. Я рисовал картины ночью. Ее темные глаза... Острый карандаш в моих руках становился пером талантливого писателя. В каждой картине она, в каждом контуре. Ее губы... Я передавал все, что чувствовал, не в силах выразить это словами. Поэты свою боль передают стихами, а я – карандашом и громкими криками, которые никто не слышал. В пейзажах я писал закаты и голубое море... Фрегат и черные волны, что раскачивали его и несли на скалы. Я не посмею назвать себя художником, но посмею назвать ее своим шедевром. Белые голуби, качели и маленькая девочка, качающаяся на них. Глубокой ночью я писал картины и ни в одной из них не нашел себя.

Днем во мне просыпалась месть: я не мог смириться, как ее отец, я не мог простить. Ненависть, как тупой нож, разрезала меня изнутри. Я был покрыт шрамами и страшными кошмарами, которые рисовал себе. Сумасшедший художник, который весь свой мир выворачивал наружу и ни в одном из образов не находил его лицо...

Я уже начал сомневаться, что я жив. Это, скорее, маленький круг ада великого Данте, чем моя родная квартира. Я упал и, падая все ниже, не видел больше смысла вставать. Стоя у зеркала, я зарядил в барабан револьвера один патрон и раскручивал его в руке. Страх? Может, только у тех, кто цепляется за жизнь. Я не боялся смерти при жизни, так с чего мне бояться сейчас?

– Дважды не убьешь, – улыбнулся я в зеркало.

Итак, что мы имеем... Во-первых, я трезв и не пил уже месяца два. Во-вторых, в барабане шесть ячеек и один патрон. Один к шести. В-третьих, у меня имеется пять попыток в самом лучшем случае, но мне кажется, что первая уже моя.

Приставив ствол к виску, я взвел курок. Щелчок... Мимо! Пристально глядя себе в глаза, я снова взвел курок. Щелчок... Мимо. Где же ты? Может, сейчас? Образ начал всплывать... Я больше не видел своего отражения, своих глаз – в зеркале появилось ее лицо. Глухо, но верно

забились мои сломанные часы. Смотря на нее, я взвел курок. Щелчок... Мимо. Щелчок... Мимо. Не отводя от нее взгляда, я совершил пятую попытку. Щелчок... Мимо. Она растворилась, и я увидел себя, и мне стало противно. Недельная щетина. Круги под глазами. Отросшие волосы. Вонь... Резко оторвав от виска ствол, я спустил курок прямо в зеркало. Выстрел... Осколки разлетелись, один поранил мне руку. Я стоял и смотрел на дырку в зеркале – такая могла быть в моей голове. И кровь на руке вовсе не краска. Все-таки я жив...

– У тебя красиво получается. Ты прекрасный художник...
– Меня вдохновляешь ты, самая прекрасная женщина в моей жизни.
– Нам тебя не хватает...
– Если это сон, то попроси своего Бога, чтобы он не заканчивался. Попроси его, чтобы я не проснулся. Попроси его, пожалуйста...

Она молчала, отведя глаза в сторону. Я прекрасно осознавал, что это сон, но он был настолько реальным, что тепло ее рук согревало мое холодное, бледное лицо. Я видел нас со стороны: мы сидели в парке, в том самом парке, а рядом лежал ее сломанный каблук.

– Давай я тебя понесу на руках, как в тот вечер, и ты останешься у меня навсегда. Только не покидай меня, прошу.

Маленькие капельки падали на мои ладони, а затем начинался дождь. Хмурые тучи нависли над нами, и с каждой каплей она растворялась на моих глазах.

– Мы тебя ждем, и будем ждать. Ты только не забывай нас поливать...

Когда я проснулся, за окном стучал дождь, а колокольчики больше не звенели. С того момента я больше не ощущал их присутствия, только горшочек с двумя цветущими розами напоминал о них. Я вернулся к нормальной жизни, начиная с бритья и заканчивая короткой стрижкой. Я вернулся в квартиру и возвращался туда каждый вечер, чтобы утром ее покидать. Закрывать дверь снаружи и по привычке оставлять на холодильнике ее ключи. Готовить завтрак на двоих, а затем выбрасывать его в мусорную корзину.

Там делают самый изысканный кофе в городе, ее любимый кофе с привкусом губ. Одна чашка на двоих, что может быть интимнее? Разве только поцелуй.

Я пообещал себе, что брошу курить, если найду человека, который забрал у меня все. В тот день я выбросил пачку только что купленных сигарет и смотрел на фото. И нашел тебя...»

Роза в недоумении перелистывала пустые страницы, что следовали после. Неужели...

Этим утром он открыл двери кофейни, чтобы закрыть их за собой навсегда. Париж сидел за своим столиком в самом конце зала и смотрел на пустой стакан. Он медленно, но верно направился к нему, доставая из кармана фотографию. Подойдя ближе, он положил ее на стол, а рядом – свой револьвер. Париж посмотрел ему в глаза, возможно, последние глаза в своей жизни, и, положив десять долларов на чай под стакан, взглянул на фотографию.

Как только он закрыл за собой дверь, прозвучал выстрел...

Что будет с Розой? Она улетит первым рейсом в страну восходящего солнца и золотого песка. В ту маленькую мечту, которую открыла ему за чашкой кофе. А на ночь она закроет окно, чтобы даже луна не смогла разделить ее счастья, что так тихо сопит ей на ухо. Маленькая квартирка с видом на море, неидущие часы и календарь в мусорной корзине. Роза потеряется в днях и будет расцветать в руках любимого мужчины, что так верно будет ее поддерживать. А по ночам будет играть музыка прошлого, но ее она не разбудит. И потревожить не сможет никто, а на закате, укутывая ее плечи пледом, он разделит с ней холодный песок.

Холодной иглой, поутру, прямо в вену – первым классом назад в эту спальню, вновь в эти старые стены...

Нет, нет. Все будет не так, я писатель, и последние строки пером... Пусть я не в силах судьбу изменить, но в самом конце не заплачет Пьеро.

Стоя за спиной у Парижа, он положил фотографию обратно в карман и подсел к нему за столик. Взяв салфетку, он коротко написал адрес и отдал ему в руки.

– Спаси Розу, спаси ее... Быть может, ты спасешь и себя.

Уходя из кофейни, я не знал, что через два месяца Роза выйдет за него замуж, а вскоре, покинув эту страну, они купят маленький домик у моря, на самом краю земли. Я не знал, что все мои картины продадут за пару сотен долларов, что в моей маленькой студии поселится большая семья, а после ее продадут. Я не знал, что мою книгу выпустят большим тиражом и ее можно будет купить на каждом углу, всего за двадцать долларов.

Не знал и то, что эту кофейню закроют спустя пару месяцев, после того, как ее владелец полностью разорится... Я ничего этого не знал, а если бы и знал, то ничего не смог бы изменить. Я даже не знал, что через два квартала, наступив на белую полосу, я попаду под черную...

Только мое бездыханное тело будет лежать на переходе, и, наверное, глупо винить в этом женщину, что не успела нажать на тормоз, когда я выходил из-за угла. Я не помню, о чем тогда думал, но точно помню, что о чем-то приятном. Наверное, о ней, о той, что жила в каждом рисунке, портрете и все это время так верно ждала.

Она стояла передо мной, на том самом переходе, за руку держа мою Розу, наше дитя...

Знаете, бывают сладкие слезы. Но вкус горьких мне не забыть никогда.

Пьеро